

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 27 мая 2025 г.

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий”

В связи с изменениями законодательства, а также имеющимися в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий” (в редакции постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 года № 23, от 11 июня 2020 года № 7) следующие изменения:

1) в преамбуле:

а) абзац четвертый изложить в следующей редакции:

“В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в соответствии со статьей 9 Международного пакта о гражданских и политических правах предусмотрено право каждого, кто лишен свободы или ограничен в ней в результате заключения под стражу или домашнего ареста, на рассмотрение вопроса о применении в отношении его залога или иной, более мягкой, меры пресечения.”;

б) из абзаца пятого слова “и Европейского Суда по правам человека” исключить;

2) в пункте 1:

а) слова “и вытекающих из статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить;

б) дополнить абзацем вторым следующего содержания:

“Исходя из взаимосвязанных положений частей 1—2 статьи 108 УПК РФ избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении лишь такого преступления, за которое ему с учетом санкции соответствующей нормы Особенной части и положений Общей части (в частности, части 1 статьи 56 и части 6 статьи 88) Уголовного кодекса Российской Федерации может быть назначено наказание в виде лишения свободы.”;

3) пункт 4 изложить в следующей редакции:

“4. По общему правилу, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести без применения насилия или угрозы его применения суд в силу пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ вправе избрать меру пресечения в виде заключения под стражу только в исключительных случаях, при условии, что наряду с основаниями, предусмотренными статьей 97 УПК РФ, имеется одно из следующих обстоятельств, указанных в подпунктах “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ: подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

В отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений средней тяжести,

перечисленных в первом предложении части 1² статьи 108 УПК РФ, заключение под стражу может быть избрано в качестве меры пресечения при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, в том числе и при отсутствии обстоятельств, указанных в подпунктах “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ.”;

4) дополнить пунктами 4¹ и 4² следующего содержания:

“4¹. Согласно пункту 2 части 1 статьи 108 УПК РФ в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, за которое ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы, мера пресечения в виде заключения под стражу избирается только в исключительных случаях и при условии, что им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (подпункты “в” и “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ).

В отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, указанного во втором предложении части 1² статьи 108 УПК РФ, за которое ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы, мера пресечения в виде заключения под стражу избирается судом только в исключительных случаях и при наличии одного или нескольких обстоятельств, указанных в подпунктах “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ.

4². Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации при отсутствии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, не может являться единственным основанием, достаточным для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации может являться лишь одним из доказательств отсутствия у него места жительства или места пребывания, но само по себе не является предусмотренным подпунктом “а” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу.

При решении вопроса о наличии или об отсутствии у лица места пребывания на территории Российской Федерации должны учитываться, в частности, положения Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242-1 “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” и Федерального закона от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ “О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации”.

Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого документов, удостоверяющих его личность, само по себе не свидетельствует о наличии обстоятельств, предусмотренного подпунктом “б” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ.

При разрешении ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу судам следует во всех случаях обсуждать вопрос о

возможности применения иной, более мягкой, меры пресечения даже при наличии какого-либо из обстоятельств, указанных в подпунктах “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ.”;

5) пункт 5 дополнить абзацем пятым следующего содержания:

“В постановлении об удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя об избрании подозреваемому, обвиняемому в качестве меры пресечения заключения под стражу должны быть указаны только те предусмотренные статьей 97 УПК РФ основания, наличие которых установлено судом в отношении данного подозреваемого или обвиняемого и подтверждено конкретными обстоятельствами.”;

6) пункты 6 и 7 изложить в следующей редакции:

“6. При рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу суду надлежит учитывать также обстоятельства, указанные в части 1 статьи 99 УПК РФ: тяжесть преступления, подозрение (обвинение) лица в совершении преступления с применением насилия или угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, подозрение (обвинение) лица в совершении преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании; поведение лица после преступления, в совершении которого оно подозревается (обвиняется), в частности явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда).

7. Обратить внимание судов на предусмотренные законом особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, перечисленных в части 1¹ статьи 108 УПК РФ.

В данной норме установлен запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1—3 части 1¹ статьи 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частями 5—7 статьи 159, частью 2 статьи 171, частями 1¹, 2, 4 и 6 статьи 171¹, частью 2 статьи 171³, статьями 172—172³, частью 2 статьи 173¹, частями 3 и 4 статьи 174, частями 3 и 4 статьи 174¹, статьями 176, частями 2 и 3 статьи 178, частями 2 и 3 статьи 180, частью 2 статьи 181, частями 2—4 статьи 183, частью 2 статьи 185², статьями 185³, частью 2 статьи 185⁴, статьями 190, частями 2—5 статьи 191, частью 3 статьи 191¹, статьями 192, частью 2 статьи 193, частями 2 и 3 статьи 193¹, частями 2—4 статьи 194, частями 1¹, 2¹, 4 и 5 статьи 195, статьями 196, 197, частью 2 статьи 199, частью 2 статьи 199¹ и частью 2 статьи 199² УК РФ, без каких-либо других условий.

В отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частями 2—4 статей 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵,

159⁶, 160, частью 2 статьи 165 и статьей 201 УК РФ, такой же запрет действует при условии, что эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо что эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности (пункты 27¹ и 27² статьи 5 УПК РФ).

В связи с этим суду по каждому поступившему ходатайству следователя, дознавателя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении указанных преступлений, являющегося индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, следует проверять, приведены ли в постановлении о возбуждении ходатайства и содержатся ли в приложенных к постановлению материалах конкретные сведения, подтверждающие вывод о том, что инкриминируемое указанному лицу преступление совершено не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо не в связи с осуществлением им полномочий по управлению коммерческой организацией или не в связи с осуществлением этой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. При отсутствии указанных сведений такое ходатайство удовлетворению не подлежит.

При рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в части 1¹ статьи 108 УПК РФ, необходимо также учитывать требования части 2 статьи 99 УПК РФ, согласно которым судом в обязательном порядке рассматривается возможность избрания такой меры пресечения, которая позволит продолжить осуществление предпринимательской деятельности и (или) управление принадлежащим имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, за исключением изъятого или арестованного имущества, либо деятельности по осуществлению полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Если лицо подозревается или обвиняется в совершении не только преступления, указанного в части 1¹ статьи 108 УПК РФ, но и другого преступления, предусмотренного иной статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и не исключающего применение заключения под стражу, суд вправе при наличии к тому оснований избрать эту меру пресечения.”;

7) пункт 10 изложить в следующей редакции:

“10. В силу положений частей 1 и 2 статьи 108 УПК РФ несовершеннолетнему, беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления небольшой или средней тяжести, мера пресечения в виде заключения под стражу по общему правилу избираться не может.

В случае если такое лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести с применением насилия или угрозой его применения, преступления небольшой или средней тяжести, указанного в части 1² статьи 108 УПК РФ, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана ему только в исключительных случаях и при наличии одного из обстоятельств, указанных в подпунктах “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ.

При этом суду надлежит учитывать положения части 6 статьи 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления небольшой тяжести впервые.”;

8) дополнить пунктами 12¹ и 12² следующего содержания:

“12¹. Принимая решение об избрании заключения под стражу в отношении лица, к которому такая мера пресечения в силу прямого указания закона применяется только в исключительных случаях, суд должен проверить и проанализировать все приложенные к ходатайству об избрании меры пресечения материалы и доводы участников судебного заседания с учетом положений статей 97, 99 и 108 УПК РФ и в постановлении об избрании меры пресечения указать, в силу каких именно обстоятельств в отношении данного подозреваемого или обвиняемого достижение целей применения меры пресечения возможно лишь в результате заключения его под стражу.

Такой вывод не может быть сделан по формальным основаниям без приведения конкретных обстоятельств, нашедших подтверждение в судебном заседании.

При этом наличие обстоятельств, предусмотренных подпунктами “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ, само по себе еще не свидетельствует о том, что данный случай является исключительным и в отношении лица требуется применение наиболее строгой меры пресечения.

12². С учетом того, что частью 2¹ статьи 108 УПК РФ установлен запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого, страдающего тяжелым заболеванием, которое вклю-

чено в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, утвержденный Правительством Российской Федерации, суду следует тщательно проверять представленные медицинские документы, подтверждающие наличие у подозреваемого или обвиняемого такого заболевания (на которые в соответствии с законом не распространяются требования части 1¹ статьи 110 УПК РФ), в необходимых случаях истребовать дополнительные документы и привлекать к участию в рассмотрении ходатайства соответствующих специалистов, в том числе представителей медицинского учреждения или лиц, выдавших такие документы.

При этом необходимо иметь в виду, что установленный законом запрет на избрание заключения под стражу действует в отношении лица, страдающего указанным заболеванием, независимо от категории преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется такое лицо, и наличия обстоятельств, предусмотренных подпунктами “а” — “г” пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ.”;

9) дополнить пунктом 13¹ следующего содержания:

“13¹. Обратить внимание судов на то, что по общему правилу в силу положений части 4 статьи 108, частей 8 и 13 статьи 109 УПК РФ участие в судебном заседании подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, является обязательным. Вопрос о форме такого участия — непосредственно или с использованием систем видео-конференц-связи (далее — ВКС) — решается судом с учетом положений как указанных норм, так и статьи 241¹ УПК РФ, в том числе о наличии технической возможности использования систем ВКС.

В силу части 4 статьи 108 УПК РФ суд принимает решение об участии подозреваемого, задержанного в порядке, установленном статьями 91 и 92 УПК РФ, путем использования систем ВКС, когда имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно (например, проведение карантинных мероприятий по месту содержания лица или временное отсутствие транспортной доступности, препятствующие доставлению задержанного в суд).

По смыслу указанной нормы в ее взаимосвязи с положениями части 1 статьи 241¹, частей 8 и 13 статьи 109 УПК РФ суд при наличии таких обстоятельств принимает решение об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС обвиняемого (подозреваемого) в случае рассмотрения ходатайства как об избрании в отношении его меры пресечения, так и о продлении срока ее действия. При отсутствии указанных обстоятельств суд вправе принять решение об участии обвиняемого (подозреваемого) в судебном заседании путем использования систем ВКС по его ходатайству.

В случае участия подозреваемого или обвиняемого в судебном заседании с использованием

систем ВКС должно быть обеспечено соблюдение требований частей 3 и 9 статьи 241¹ УПК РФ об обязательном участии защитника (вопрос о форме участия которого решается судом) и о предоставлении ему возможности беспрепятственного конфиденциального общения со своим подзащитным, содержащимся под стражей, в том числе задержанным в порядке, установленном статьями 91 и 92 УПК РФ. В случае отсутствия у подозреваемого или обвиняемого защитника его участие в рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обеспечивается на основании части 3 статьи 51 УПК РФ.”;

10) подпункт “а” пункта 14 после слова “международный” дополнить словами “и (или) межгосударственный”;

11) абзац первый пункта 16 дополнить словами “, а также случая участия подозреваемого или обвиняемого в судебном заседании путем использования систем ВКС (пункт 3¹ части 1 статьи 51, статья 241¹ УПК РФ)”;

12) абзац второй пункта 17 дополнить следующим предложением: “С учетом положений части 5 статьи 241¹ УПК РФ суд может принять решение об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования систем ВКС.”;

13) абзац первый пункта 20 дополнить словами “(за исключением случаев нахождения лица в международном и (или) межгосударственном розыске)”;

14) пункт 21 после абзаца первого дополнить новым абзацем следующего содержания:

“Особое внимание судам следует уделять рассмотрению ходатайств о продлении срока содержания под стражей в отношении лица, которому данная мера пресечения в силу закона может быть избрана только в исключительных случаях. В каждом решении о продлении в отношении такого лица срока содержания под стражей должно быть указано на наличие достаточных данных о том, что достижение целей применения мер пресечения возможно только при сохранении в отношении этого лица наиболее строгой из них. Во всех случаях рассмотрения таких ходатайств суду следует обсуждать вопрос о возможности изменения этому лицу меры пресечения на более мягкую.”;

15) абзац второй пункта 22 изложить в следующей редакции:

“В случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, либо необходимости установления личности подозреваемого или обвиняемого, суду надлежит выяснить причины, по которым следственные действия не были произведены, а личность содержащегося под стражей лица не установлена. Если причина, по мнению суда, заключается в неэффективной организации расследования, это может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства. В таких случаях суд

вправе реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений.”;

16) в абзаце первом пункта 24 цифры “2, 3” заменить цифрами “2—3”;

17) пункт 33 исключить;

18) абзац второй пункта 36 изложить в следующей редакции:

“Порядок принятия решения об избрании и о продлении срока данной меры пресечения аналогичен установленному статьями 108 и 109 УПК РФ порядку избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу и продления срока ее действия (часть 3 статьи 107 УПК РФ), в том числе в части, касающейся формы участия подозреваемого или обвиняемого и иных лиц в судебном заседании (непосредственно или с использованием систем ВКС). В случае рассмотрения вопроса о продлении срока домашнего ареста в стадии судебного разбирательства подлежат учету положения частей 2 и 3 статьи 255 УПК РФ. При этом условия, связанные с категорией и характером преступления, которые установлены частями 1, 1² и 2 статьи 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены статьей 107 УПК РФ.”;

19) перед пунктом 42¹ дополнить названием раздела “Залог”;

20) в пункте 42² слова в скобках исключить;

21) перед пунктом 43 название раздела “Залог” исключить;

22) пункт 49 изложить в следующей редакции:

“49. Залог в качестве меры пресечения избирается судом в отношении обвиняемого на срок до 2 месяцев в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных статьей 106 УПК РФ.

Исходя из положений частей 2 и 7 статьи 106 УПК РФ во взаимосвязи с положениями части 5 статьи 107 и частей 3 и 7¹ статьи 108 УПК РФ решение об избрании меры пресечения в виде залога суд вправе принять не только по результатам рассмотрения ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, или ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором, но и по результатам рассмотрения ходатайства, заявленного подозреваемым, обвиняемым, его защитником, законным представителем либо другим физическим или юридическим лицом, а также по результатам обсуждения в судебном заседании вопроса о возможности применения альтернативных заключению под стражу или домашнему аресту мер пресечения. Исследование судом фактических и правовых оснований для избрания залога должно осуществляться в условиях состязательности и равноправия сторон с обеспечением подозреваемому, обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, в частности, о виде и размере залога.

Срок применения залога может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей 109 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных статьей 106 УПК РФ.

По смыслу указанных норм, принимая такое решение, суд должен определить срок, на который продлевается действие данной меры пресечения, с указанием конкретной даты его истечения. При этом срок применения залога может быть продлен неоднократно в пределах срока соответственно досудебного или судебного производства (в последнем случае — с учетом положений статьи 255 УПК РФ).”;

23) в пункте 51 второе предложение исключить;

24) перед пунктом 51¹ дополнить названием раздела “Запрет определенных действий”;

25) пункт 51² изложить в следующей редакции:

“51². Обратить внимание судов на то, что налагаемый на подозреваемого или обвиняемого запрет покидать в определенные периоды времени пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, предусмотренный пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, связан с ограничением конституционного права на свободу. Поэтому, возлагая такую обязанность на подозреваемого или обвиняемого, суд должен установить срок действия данного запрета в отношении конкретного лица, способы его связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом и другие условия в соответствии с требованиями частей 7, 9 и 10 этой статьи.

При этом следует учитывать, что запрет, предусмотренный пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, устанавливается и продлевается в соответствии со статьей 109 УПК РФ, а длительность сроков данного запрета определена в части 10 статьи 105¹ УПК РФ.”;

26) дополнить пунктом 51³ следующего содержания:

“51³. Необходимо иметь в виду, что требования статей 108 и 109 УПК РФ, касающиеся сроков содержания под стражей в качестве меры пресечения и их продления, не распространяются на залог и запрет определенных действий.

При невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения в виде залога или запрета, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, действие этих мер пресечения может быть продлено, в том числе на срок свыше 12 месяцев, судьей районного суда или гарнизонного военного суда в порядке, установленном частью 3 статьи 108 УПК РФ, по ходатайству следователя, согласованному с руководителем следственного органа, а также ходатайству дознавателя, согласованному с прокурором.

В отношении подозреваемых или обвиняемых, указанных в части 1¹ статьи 108 УПК РФ, действие залога или запрета, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, может быть продлено, в том числе на срок свыше 12 месяцев, судьей районного суда или гарнизонного военного суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Россий-

ской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа.”;

27) после пункта 51³ дополнить названием раздела “Вопросы, возникающие при возвращении уголовного дела прокурору” и пунктом 51⁴ следующего содержания:

“51⁴. Возвращая уголовное дело прокурору, судья (суд) в соответствии с частью 3 статьи 237 УПК РФ должен решить вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого.

Если судья (суд) при наличии к тому оснований избирает обвиняемому меру пресечения в виде запрета определенных действий, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо продлевает действие данной меры пресечения, то в резолютивной части судебного решения указывается конкретный разумный срок, на который избирается (продлевается) мера пресечения, а также дата его окончания. Такой срок определяется исходя из обстоятельств, послуживших основанием для принятия решения о возвращении дела прокурору, объема и содержания допущенных нарушений закона, его достаточности для производства следственных и иных процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела, в том числе обеспечения права участников на дополнительное ознакомление с материалами дела, и с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 УПК РФ, но исчисляется без применения правил, установленных этой статьей, в том числе ее частями 4 и 5.

При повторном поступлении уголовного дела в суд в общий срок содержания лица под стражей, предусмотренный частью 2 статьи 255 УПК РФ, засчитывается время содержания под стражей со дня первоначального поступления уголовного дела в суд до возвращения его прокурору.”;

28) в пункте 52:

а) абзац первый изложить в следующей редакции:

“52. В силу частей 2, 5 и 10 статьи 105¹, части 2 статьи 106, части 3 статьи 107, части 11 статьи 108 и части 8 статьи 109 УПК РФ на постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий и о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, либо об отказе в этом, вынесенные как в стадиях досудебного производства по уголовному делу, так и в ходе подготовки и проведения судебного разбирательства (часть 2 статьи 228, статья 255 УПК РФ), в течение 3 суток со дня их вынесения могут быть принесены в порядке, установленном статьей 389³ УПК РФ, апелляционные жалоба и представление, подлежащие рассмотрению в такой же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции. В связи с этим судам после поступления жалобы и (или) представления на указанные решения необходимо незамедлительно направ-

лять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения.”;

б) абзац пятый после слов “домашнего ареста” дополнить словом “, залога”;

29) пункт 53 изложить в следующей редакции:

“53. Суду первой инстанции при направлении в вышестоящий суд апелляционной жалобы или представления следует прилагать заверенные копии документов из уголовного дела: постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания подозреваемого или обвиняемого, постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, постановления о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий; все копии ходатайств и постановлений о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, постановлений о приостановлении и возобновлении следствия, о соединении и выделении уголовного дела, о принятии уголовного дела к своему производству, о направлении уголовного дела в суд и т.п.; протокол судебного заседания или выписку из него, сведения об участии в деле защитника, потерпевшего; документы, подтверждающие необходимость или отсутствие необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, в том числе сведения о личности обвиняемого.”;

30) пункт 54¹ изложить в следующей редакции:

“54¹. Обратить внимание судов апелляционной и кассационной инстанций на необходимость тщательного изучения и проверки доводов лиц, обжалующих постановление судьи об избрании, изменении или отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, о продлении срока действия этих мер пресечения либо об отказе в этом, и при наличии к тому оснований своевременного изменения либо отмены незаконных и (или) необоснованных судебных постановлений.

Каждое решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока ее действия в отношении лиц, которым она в силу закона может быть избрана лишь в исключительных случаях, должно быть проверено в том числе на предмет обоснованности вывода о том, что цели применения меры пресечения в отношении такого лица могут быть достигнуты только при содержании его под стражей.

Оставляя постановление (определение) нижестоящего суда без изменения или не соглашаясь с принятым решением, суд апелляционной или кассационной инстанции обязан привести в своем постановлении (определении) конкретные мотивы, по которым он признал это решение законным и обоснованным либо подлежащим изменению или отмене.”;

31) пункт 58 изложить в следующей редакции:

“58. Отменяя обвинительный приговор или иное судебное решение и передавая уголовное дело на новое судебное разбирательство в нижестоящий суд, суды апелляционной, а также кассационной инстанции в целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и надлежащего проведения судебного заседания в разумные сроки обязаны по ходатайству прокурора или по собственной инициативе решить вопрос о мере пресечения в отношении лица, содержащегося под стражей. При этом суды апелляционной и кассационной инстанций вправе избрать любую из предусмотренных статьей 98 УПК РФ мер пресечения при условии, что она обеспечит беспрепятственное осуществление уголовного судопроизводства.

Принимая решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, суды апелляционной и кассационной инстанций в резолютивной части определения (постановления) указывают конкретный разумный срок действия меры пресечения с учетом положений статьи 255 УПК РФ. Если на мо-

мент принятия судом апелляционной инстанции решения не истек ранее установленный (продленный) срок содержания под стражей, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, и этого срока достаточно для обеспечения названных целей, то в резолютивной части определения (постановления) следует указать на оставление меры пресечения без изменения. В любом случае в описательно-мотивировочной части определения (постановления) должны быть приведены мотивы принятого решения, а в его резолютивной части должна быть указана дата окончания срока.”;

32) пункт 59 после слов “о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста” дополнить словом “, залога”;

33) пункт 60 после слов “и продления сроков содержания под стражей, домашнего ареста” дополнить словом “, залога”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 27 мая 2025 г.

О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам

В связи с изменением законодательства, а также возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 года № 11 “О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания” (в редакции постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41, от 3 марта 2015 года № 9):

1) в преамбуле:

а) абзац второй исключить;

б) абзацы третий и четвертый считать абзацами вторым и третьим;

в) в абзаце третьем слова “статьями 9 и 14 Федерального конституционного закона “О судах общей юрисдикции в Российской Федерации”, постановляет:” заменить словами “статья-

ми 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” постановляет дать судам следующие разъяснения.”;

2) в пункте 2:

а) второе предложение абзаца первого дополнить сноской следующего содержания:

“¹Тексты международных договоров Российской Федерации могут быть размещены на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru), опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации, Бюллетене международных договоров либо в иных официальных изданиях.

Перечень государств — участников многостороннего международного договора Российской Федерации размещен на официальном сайте депозитария соответствующего международного договора Российской Федерации, например eccis.org/reestr2, treaties.un.org.”;

б) абзац третий после слов “Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года” дополнить словами “(далее — Европейская конвенция о выдаче)”;

в) абзац четвертый после слов “с учетом оговорок” дополнить словами “и заявлений”;

3) в пункте 3 слова “Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября

1950 года” заменить словами “Конвенцией Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года”;

4) в пункте 6 слова “подлежит выдаче” заменить словами “может быть выдано”;

5) в пункте 11 слова “статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в толковании Европейского Суда по правам человека,” исключить;

6) в абзаце втором пункта 12:

а) слова “согласно статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в толковании Европейского Суда по правам человека,” исключить;

б) слово “относятся” заменить словами “следует относить”;

7) в пункте 13 слова “статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” заменить словами “статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах”;

8) в абзаце третьем пункта 14 слова “; Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, действующий во исполнение Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 года и т.д.” исключить;

9) в пункте 15:

а) в первом предложении слова “, пунктом 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить;

б) во втором предложении слова “и залога” заменить словами “, залога и запрета определенных действий”;

10) в пункте 18 абзацы четвертый и пятый изложить в следующей редакции:

“ходатайства о взятии под стражу, которое содержит информацию, предусмотренную международным договором Российской Федерации (например, в статье 70 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года (далее — Конвенция о правовой помощи 2002 года), в статье 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года (далее — Конвенция о правовой помощи 1993 года), если запрашивающее государство является участником соответствующего международного договора;

решения о взятии под стражу в качестве меры пресечения в связи с объявлением лица в международный (межгосударственный) розыск или приговора, вступившего в законную силу, предусмотренных, например, статьями 70 Конвенции о правовой помощи 2002 года, статьями 61¹ Конвенции о правовой помощи 1993 года, если запрашивающее государство является участником Протокола к этой Конвенции, подписанного 28 марта 1997 года (далее — Протокол 1997 года);”;

11) в пункте 19:

а) абзац первый изложить в следующей редакции:

“19. Обратить внимание судов на то, что согласно пункту “б” статьи 75 Конвенции о правовой помощи 2002 года срок содержания лица под стражей до получения запроса о выдаче не должен превышать сорок дней. В силу части 1 статьи 62 Конвенции о правовой помощи 1993 года срок содержания лица под стражей до получения запроса о выдаче не должен превышать один месяц. Если запрашивающее государство является участником Протокола 1997 года, то указанный срок не может превышать сорок дней.”;

б) во втором предложении второго абзаца слова “международного договора” заменить словами “иногo международного договора”;

12) в первом предложении пункта 24:

а) слова “согласно статье” заменить словами “исходя из положений статьи”;

б) слова “с учетом статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод,” исключить;

13) в пункте 26 слова “, статьи 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить;

14) пункт 27 исключить;

15) в первом предложении пункта 30 слова “, пункт 2 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить;

16) пункт 32 изложить в следующей редакции:

“32. При рассмотрении вопросов, связанных с передачей лица, осужденного к лишению свободы, судам следует учитывать оставшийся к отбытию минимальный срок наказания, который предусмотрен в качестве условия передачи международным договором Российской Федерации либо соглашением компетентных органов Российской Федерации и иностранного государства, если передача осуществляется на основе принципа взаимности.”;

17) дополнить пунктом 32¹ следующего содержания:

“32¹. Рекомендовать судам с учетом положений двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации, действующих в сфере консульских сношений (например, Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года, Консульской конвенции между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой от 25 января 1994 года), в качестве дополнительной гарантии обеспечения прав и интересов осужденного к лишению свободы обсуждать вопрос о необходимости уведомить о рассмотрении материалов о его передаче для отбывания наказания в соответствующее государство консульское учреждение (консульский отдел посольства) этого государства.”;

18) пункт 36 изложить в следующей редакции:

“36. Принимая во внимание, в частности, положения статьи 12 Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания, под несопоставимостью условий и порядка отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы, являющейся согласно статье 471 УПК РФ одним из возможных оснований для отказа в передаче, следует понимать лишь такие различия в условиях и порядке

отбывания наказания в государстве исполнения приговора и в Российской Федерации, которые не позволяют достигнуть цели наказания — восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений (статья 43 УК РФ) — и не обеспечивают продолжение отбывания наказания в соответствии с законодательством государства исполнения приговора, не ухудшая положение осужденного.

Суду в каждом конкретном случае необходимо устанавливать обстоятельства, связанные с порядком и условиями отбывания наказания в государстве исполнения приговора. При этом отсутствие в иностранном государстве определенного вида исправительного учреждения, назначенного осужденному по приговору суда Российской Федерации, а также различия, например, в правилах зачета срока применения меры пресечения в срок наказания, порядке условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, количестве краткосрочных и длительных свиданий, возможных посылок, передач и бандеролей, предусмотренных законодательством Российской Федерации и государства исполнения приговора при отбывании лишения свободы в исправительных учреждениях различных видов (режимов), не должны признаваться основаниями для отказа в передаче.”;

19) в пункте 37 предложение “Предельный срок лишения свободы, предусмотренный законодательством государства исполнения приговора, не должен быть явно несопоставим со сроком наказания, назначенным по приговору суда Российской Федерации.” исключить;

20) приложение к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 года № 11 “О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания” исключить.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 года

№ 22 “О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела” дополнить пунктами 18 и 19 следующего содержания:

“18. Согласно требованиям части 3 статьи 389² и части 1 статьи 391 УПК РФ постановление судьи вышестоящего суда об удовлетворении ходатайства (представления) об изменении территориальной подсудности может быть обжаловано в апелляционном порядке до вынесения итогового судебного решения по делу, а уголовное дело подлежит направлению в соответствующий суд только после вступления указанного постановления в законную силу.

19. Решение судьи (суда) об отказе в удовлетворении ходатайства о передаче уголовного дела по подсудности, заявленного стороной на основании статьи 34 УПК РФ, а также постановление судьи вышестоящего суда об отказе в удовлетворении ходатайства об изменении территориальной подсудности дела (части 1—3 статьи 35 УПК РФ) не влекут последствий, выходящих за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, не ограничивают конституционные права и свободы личности и не причиняют им вред, исполнение которого в дальнейшем может оказаться невозможным, а потому не требуют безотлагательной проверки вышестоящим судом. Исходя из этого и по смыслу взаимосвязанных положений частей 2 и 3 статьи 389² УПК РФ такие промежуточные судебные решения самостоятельно обжалованию не подлежат. Вместе с тем вопрос о законности состава суда в указанных случаях может быть поставлен сторонами при обжаловании итогового судебного решения по делу.”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА
Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 9 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 27 мая 2025 г.

Об утверждении арбитражных заседателей арбитражных судов субъектов Российской Федерации

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ “Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации” (в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ) Пленум Верховного Суда Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т**:

Утвердить на двухлетний срок полномочий арбитражным заседателем Арбитражного суда Астраханской области Скитер Татьяну Анатольевну.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА
Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. При рассмотрении спора о признании смерти работника несчастным случаем на производстве суду следует применять положения Трудового кодекса РФ о порядке расследования, оформления и учета несчастных случаев со смертельным исходом, происшедших с работниками при исполнении ими трудовых обязанностей (ст.ст. 227—231 ТК РФ), в их взаимосвязи с нормами, регламентирующими порядок урегулирования возникающих по данным вопросам разногласий, а также принимать во внимание конкретные обстоятельства, при которых с работником произошел несчастный случай со смертельным исходом, и выводы комиссии работодателя о квалификации несчастного случая как связанного с производством

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 22 июля 2024 г. № 88-КГ24-6-К8*

(Извлечение)

О. и Д. обратились в суд с иском к обществу (далее также — работодатель) о признании смерти работника Э. несчастным случаем на производстве, компенсации морального вреда, взыскании единовременной материальной помощи в соответствии с условиями коллективного договора.

В обоснование заявленных требований О. и Д. указали, что Э. (супруг О. и отец Д.) на основании трудового договора состоял в трудовых отношениях с обществом, работал водителем автомобиля.

28 ноября 2021 г. Э., находясь при исполнении трудовых обязанностей, умер от двусторонней пневмонии.

При проведении расследования несчастного случая (смерти Э.) комиссией работодателя было установлено, что основной причиной несчастного случая явился ненадлежащим образом организованный рабочий процесс, что привело к выполнению работником — водителем автомобиля Э. непрерывной работы в течение 35 дней (5 недель) подряд (октябрь–ноябрь 2021 г.) без предоставления еженедельного отдыха. В акте также указано, что Э. был допущен к исполнению своих трудовых обязанностей без прохождения обязательного периодического медицинского осмотра.

Комиссией работодателя несчастный случай, произошедший с Э., признан связанным с производством и оформлен актом Н-1. Одним из членов комиссии было выражено особое мнение. Заключение областной Госинспекции труда сделан вывод о том, что данный акт

Н-1 признается действительным и не подлежащим отмене или пересмотру.

В соответствии с условиями коллективного договора общества предусмотрены оказание единовременной материальной помощи, а также компенсация морального вреда семье работника, пострадавшего в результате несчастного случая на производстве со смертельным исходом при отсутствии вины пострадавшего, в размере не более 500 000 руб., в том числе компенсация морального вреда до 90 000 руб.

По результатам обращения вдовы и дочери Э. по факту его гибели в связи с несчастным случаем на производстве за выплатами по коллективному договору ответа им от общества не поступило.

Ввиду бездействия работодателя вдова О. и дочь Д. обратились в суд с иском.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд сослался на заключение проведенной по делу судебно-медицинской экспертизы и указал на то, что доказательств наступления смерти Э. вследствие исполнения им профессиональных обязанностей либо неисполнения работодателем обязанности по обеспечению безопасных условий труда в ходе рассмотрения дела не представлено. Смерть Э. наступила в результате общего заболевания.

По мнению суда, то обстоятельство, что работодатель допустил Э. к работе без обязательного медицинского осмотра, а также непредоставление в течение длительного времени Э. еженедельного отдыха, не является безусловным основанием считать, что несчастный случай с ним связан с производством.

Кроме того, суд счел, что смерть работника Э. не находится в причинно-следственной связи с его трудовой деятельностью.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции, дополнительно отметил, что обществом выполнена обязанность по проведению предрейсового медицинского осмотра Э., противопоказаний для допуска к работе медицинским работником не выявлено, оснований для отстранения от работы у работодателя не имелось.

Судом кассационной инстанции решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 22 июля 2024 г. пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Вопросы расследования несчастных случаев на производстве определены положениями ст.ст. 227—231 ТК РФ (глава 36 “Обеспечение

прав работников на охрану труда”; здесь и далее нормы Трудового кодекса РФ приведены в редакции, действовавшей на день смерти Э. — 28 ноября 2021 г.)¹.

Частью 1 ст. 227 ТК РФ предусмотрено, что расследованию и учету в соответствии с главой 36 ТК РФ подлежат несчастные случаи, происшедшие с работниками и другими лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя (в том числе с лицами, подлежащими обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний), при исполнении ими трудовых обязанностей или выполнении какой-либо работы по поручению работодателя (его представителя), а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем либо совершаемых в его интересах.

Согласно положениям ст. 229 ТК РФ для расследования несчастного случая работодатель (его представитель) незамедлительно образует комиссию в составе не менее трех человек.

Из подлежащего применению к спорным отношениям правового регулирования следует, что расследованию в установленном Трудовым кодексом РФ порядке подлежат несчастные случаи, происшедшие с работниками и другими лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя при исполнении ими трудовых обязанностей или выполнении какой-либо работы по поручению работодателя (его представителя), а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем либо совершаемых в его интересах, повлекшие за собой необходимость перевода пострадавших на другую работу, временную или стойкую утрату ими трудоспособности либо смерть пострадавших, если указанные события произошли, в частности, в течение рабочего времени на территории работодателя. В случае произошедшего с работником несчастного случая работодатель (его представитель) обязан в числе прочего принять необходимые меры по организации и обеспечению надлежащего и своевременного расследования несчастного случая и оформлению материалов расследования в соответствии с регламентированными законом требованиями, для чего работодателем незамедлительно образуется комиссия в составе не менее трех человек. На основании обстоятельств и причин произошедшего несчастный случай квалифицируется комиссией как несчастный случай на производстве или как несчастный случай, не связанный с производством. Рассле-

дуется и по решению комиссии в зависимости от конкретных обстоятельств может квалифицироваться как несчастный случай, не связанный с производством, в частности, смерть работника, наступившая вследствие общего заболевания, подтвержденная медицинской организацией. По каждому несчастному случаю, признанному по результатам расследования несчастным случаем на производстве, оформляется акт о несчастном случае на производстве по установленной форме, который подписывается всеми лицами, проводившими расследование, и утверждается работодателем.

Положениями ст. 229³ ТК РФ регламентированы полномочия государственного инспектора труда при проведении расследования несчастного случая (в случае возникновения разногласий по вопросам расследования, оформления и учета несчастных случаев), согласно которым при поступлении жалобы, заявления, иного обращения заинтересованных лиц о несогласии с выводами комиссии по расследованию несчастного случая, а также при получении сведений, объективно свидетельствующих о нарушении порядка расследования, государственным инспектором проводится дополнительное расследование несчастного случая. По результатам дополнительного расследования государственный инспектор труда составляет заключение о несчастном случае на производстве и выдает предписание, обязательное для выполнения работодателем (его представителем), которое может быть оспорено им в судебном порядке. В этом случае подача жалобы не является основанием для невыполнения работодателем (его представителем) решений государственного инспектора труда.

Судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований О. и Д. о признании смерти работника Э. несчастным случаем на производстве положения Трудового кодекса РФ о порядке расследования, оформления и учета несчастных случаев со смертельным исходом, происшедших с работниками при исполнении ими трудовых обязанностей, в их взаимосвязи с нормами, регламентирующими порядок урегулирования возникающих по данным вопросам разногласий, не применены, вследствие чего обстоятельства, имеющие значение для дела, судебными инстанциями не определены.

Судебными инстанциями не учтено, что по факту произошедшего с Э. несчастного случая со смертельным исходом 20 января 2022 г. комиссией работодателя было принято решение о его квалификации в качестве несчастного случая на производстве, по результатам проведенного расследования оформлен акт по форме Н-1, который подписан всеми членами комиссии, проводившими расследование, и утвержден работодателем и в установленном законом порядке недействительным не признан. Ввиду наличия разногласий между членами комиссии о квалификации данного несчастного случая по жалобе представителя работодате-

¹ Расследование, оформление (рассмотрение), учет микроповреждений (микротравм), несчастных случаев с 1 марта 2022 г. регулируется положениями ст.ст. 226—231 главы 36¹ ТК РФ (Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ “О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации”), содержащими аналогичное правовое регулирование.

ля государственным инспектором труда проведено дополнительное расследование по факту несчастного случая, произошедшего с Э., по результатам которого вынесено заключение о необходимости его квалификации в качестве несчастного случая, связанного с производством, и об отсутствии оснований для признания акта по форме Н-1 от 20 января 2022 г. подлежащим отмене или пересмотру. Данное решение государственного инспектора труда в силу положений ст. 231 ТК РФ обязательно для работодателя.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также указала на то, что в зависимости от конкретных обстоятельств несчастный случай со смертельным исходом может быть квалифицирован как несчастный случай на производстве, несмотря на то, что причиной смерти пострадавшего в заключении медицинской организации указано общее заболевание.

Следовательно, суду при разрешении такой категории споров необходимо каждый раз принимать во внимание конкретные обстоятельства, при которых с работником произошел несчастный случай со смертельным исходом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила, что вывод судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии предусмотренных законом оснований для удовлетворения заявленного О. и Д. иска со ссылкой на заключение судебно-медицинской экспертизы как на единственное допустимое и достоверное доказательство по делу не может быть признан правомерным в силу ч. 3 ст. 86 ГПК РФ, определяющей, что заключение эксперта для суда необязательно и оценивается судом по правилам, установленным в ст. 67 данного Кодекса, т.е. не является исключительным средством доказывания и должно оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении иска О. и Д. о признании смерти работника несчастным случаем на производстве, взыскании единовременной материальной помощи в соответствии с условиями коллективного договора, компенсации морального вреда со ссылкой на отсутствие доказательств наступления смерти Э. вследствие исполнения им трудовых обязанностей не отвечающим требованиям закона.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

2. Реабилитированное лицо имеет право на возмещение расходов, понесенных по уголовному делу частного обвинения, с лица, по заявлению которого начато производство по уголовному делу

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 9 апреля 2024 г. № 56-КГ24-1-К9*

(Извлечение)

Г. обратился в суд с иском к З. о возмещении понесенных им по уголовному делу частного обвинения расходов на оплату услуг представителя в размере 330 000 руб. и взыскании компенсации морального вреда в размере 150 000 руб.

Как установлено судами и следует из материалов дела, З. обратился к мировому судье в порядке частного обвинения с заявлением о привлечении Г. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 128¹ УК РФ.

По приговору мирового судьи, оставленному без изменения апелляционным постановлением и постановлением кассационного суда общей юрисдикции, дело частного обвинения по заявлению З. в отношении Г. прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

В обоснование иска Г. указал, что во время рассмотрения уголовного дела им понесены расходы на оплату юридической помощи, а необоснованным обвинением ему причинены нравственные страдания.

Суд первой инстанции, принимая во внимание категорию спора, уровень его сложности, объем выполненной представителем работы, характер физических и нравственных страданий истца, руководствуясь принципом разумности и справедливости, пришел к выводу о наличии оснований для частичного удовлетворения исковых требований.

Решением суда первой инстанции с З. в пользу Г. взысканы убытки в размере 250 000 руб., компенсация морального вреда — 50 000 руб., расходы на уплату государственной пошлины. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции указал, что действия З., обратившегося с заявлением о привлечении Г. к уголовной ответственности в порядке частного обвинения, являются способом реализации его конституционного права, доказательств того, что частный обвинитель злоупотреблял правом при обращении к мировому судье, истцом не представлено.

С данными выводами суда апелляционной инстанции согласился суд кассационной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 9 апреля 2024 г. пришла к выводу о том, что судебные постановления при-

няты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

В силу ч. 9 ст. 132 УПК РФ при оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному уголовному делу. При прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон.

В ст. 131 УПК РФ расходы лица, в отношении которого имело место обращение в порядке частного обвинения, на юридическую помощь и специалиста в качестве процессуальных издержек не указаны.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в Определении от 2 июля 2013 г. № 1057-О по жалобе гражданина Столбунца С.П. на нарушение его конституционных прав пп. 1 и 2 ст. 1064 ГК РФ указал, что отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве прямого указания на возмещение вреда за счет средств частного обвинителя и независимо от его вины не может расцениваться как свидетельство отсутствия у государства обязанности содействовать реабилитированному лицу в защите его прав и законных интересов, затронутых необоснованным уголовным преследованием.

В названном Определении также указано, что в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативном единстве со ст. 131 УПК РФ, расходы на оплату услуг представителя могут расцениваться как вред, причиненный лицу в результате его необоснованного уголовного преследования по смыслу ст. 15 ГК РФ.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (п. 1).

Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (п. 2).

Общие основания ответственности за вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, устанавливаются ст. 1064 ГК РФ.

Согласно конституционно-правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1059-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Т.И. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1064 ГК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 381 и ст. 391¹¹ ГПК РФ, обращение к мировому судье с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности в порядке частного

обвинения само по себе не может быть признано незаконным лишь на том основании, что в ходе судебного разбирательства предъявленное обвинение не нашло своего подтверждения. В противном случае ставилось бы под сомнение конституционное право каждого на судебную защиту, выступающее, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, гарантией всех других прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на защиту своей чести и доброго имени, гарантированного ст. 23 Конституции Российской Федерации.

В этом же Определении указано, что недоказанность обвинения какого-либо лица в совершении преступления, по смыслу ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации, влечет его полную реабилитацию и восстановление всех его прав, ограниченных в результате уголовного преследования, включая возмещение расходов, понесенных в связи с данным преследованием. Взыскание в пользу реабилитированного лица расходов, понесенных им в связи с привлечением к участию в уголовном деле, со стороны обвинения, допустившей необоснованное уголовное преследование подсудимого, является неблагоприятным последствием ее деятельности. При этом, однако, возложение на частного обвинителя обязанности возместить лицу, которое было им обвинено в совершении преступления и чья вина не была доказана в ходе судебного разбирательства, понесенные им вследствие этого расходы не может расцениваться как признание частного обвинителя виновным в таких преступлениях, как клевета или заведомо ложный донос. Принятие решения о возложении на лицо обязанности возместить расходы, понесенные в результате его действий другими лицами, отличается от признания его виновным в совершении преступления как по основаниям и порядку принятия решений, так и по их правовым последствиям и не предопределяет последнего.

Соответственно, частный обвинитель не освобождается от обязанности возмещения оправданному лицу как понесенных им судебных издержек, так и причиненного ему необоснованным уголовным преследованием имущественного вреда (в том числе расходов на адвоката), а также компенсации морального вреда. Что же касается вопроса о необходимости учета его вины при разрешении судом спора о компенсации вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, то, как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 28 мая 2009 г. № 643-О-О, реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не является основанием для постановки его в равные правовые условия с государством в части возмещения вреда в полном объеме и независимо от наличия его вины.

Статью 1064 ГК РФ, не исключаящую обязанность частного обвинителя возместить оправданному лицу понесенные им судебные издержки и компенсировать имущественный и моральный вред, следует трактовать в контексте общих начал гражданского законодательст-

ва, к числу которых относится принцип добросовестности: согласно ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3); никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4). Иными словами, истолкование ст. 1064 ГК РФ в системе действующего правового регулирования предполагает возможность полного либо частичного возмещения частным обвинителем вреда в зависимости от фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о добросовестном заблуждении или же, напротив, о злонамеренности, имевшей место в его действиях, а также с учетом требований разумной достаточности и справедливости.

Также согласно конституционно-правовой позиции, изложенной в указанном выше Определении от 2 июля 2013 г. № 1059-О, положения гражданского права, действующие в неразрывном системном единстве с конституционными предписаниями, в том числе со ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц и которая в силу ст. 15 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, как норма прямого действия, подлежит применению судами при рассмотрении ими гражданских и уголовных дел, позволяют суду при рассмотрении каждого конкретного дела достигать такого баланса интересов, при котором равному признанию и защите подлежит как право одного лица, выступающего в роли частного обвинителя, на обращение в суд с целью защиты от преступления, так и право другого лица, выступающего в роли обвиняемого, на возмещение ущерба, причиненного ему в результате необоснованного уголовного преследования (п. 3).

Из изложенного следует, что реабилитированное лицо имеет право на возмещение понесенных в связи с производством по уголовному делу расходов с лица, по заявлению которого начато производство по уголовному делу, и в возмещении ему таких расходов не может быть отказано полностью только на том основании, что ответчик своим правом не злоупотреблял. Такие фактические обстоятельства дела, свидетельствующие о добросовестном заблуждении частного обвинителя или о злоупотреблении им правом, могут быть приняты во внимание при определении размера подлежащих возмещению расходов, но не могут выступать в качестве критерия обоснованности либо необоснованности заявленных требований.

Иное привело бы к невозможности реализации права реабилитированного лица на компенсацию причиненных убытков, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Суд кассационной инстанции ошибки суда апелляционной инстанции не исправил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отме-

нила апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам суда апелляционной инстанции и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. В случае освоения в период действия договора аренды лесного участка допустимого объема изъятия лесных ресурсов арендатор не вправе требовать продления этого договора со ссылкой на затруднительность его исполнения по причине введения иностранными государствами санкций против Российской Федерации

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 28 марта 2024 г. № 307-ЭС23-23005*

(Извлечение)

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и округа, удовлетворены требования общества о признании незаконным отказа министерства природных ресурсов и экологии субъекта Российской Федерации (далее — министерство) в заключении дополнительного соглашения о пролонгации срока действия договора аренды лесного участка при причине отсутствия оснований для заключения такого соглашения в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 58-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 58-ФЗ).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 28 марта 2024 г. принятые по делу судебные акты отменила, в удовлетворении требований общества отказала по следующим основаниям.

Из положений ч. 3 ст. 8 Закона № 58-ФЗ следует, что необходимость пролонгации договоров аренды публичных земельных участков должна быть вызвана невозможностью (затруднительностью) исполнения договоров аренды земли в установленных договорами целях и в определенные в них сроки по причине введения санкций иностранными государствами против Российской Федерации.

Согласно ст. 7 ЗК РФ в состав земель Российской Федерации входят земли лесного фонда. Порядок использования и охраны земель лесного фонда устанавливается данным Кодексом и лесным законодательством (п. 2 ст. 101 ЗК РФ).

При этом установленные в ст.ст. 396—398 ЗК РФ правила предоставления публичных земельных участков в аренду не распространяются на предоставление в аренду лесных участков.

Установленный Лесным кодексом РФ порядок заключения договора аренды лесных участков свидетельствует об ограничении свободы сторон договора при заключении и определении

его условий по сравнению с требованиями, обычно предъявляемыми к гражданско-правовым договорам (ст.ст. 421, 425 ГК РФ), что указывает на специфику таких отношений, урегулированных в императивном порядке.

Поскольку целью заключения договоров аренды лесных участков является не только частный интерес арендаторов (извлечение прибыли), но и обеспечение многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного лесопользования для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах, они должны не только заключаться, но и исполняться с соблюдением принципов открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции, предотвращения и противодействия коррупции, ответственности за эффективное использование и охрану лесных участков.

С учетом специфики правоотношений по использованию лесного участка с изъятием лесных ресурсов встречное предоставление со стороны министерства как арендодателя выражается не в передаче обществу как арендатору лесного участка определенной площади, а в предоставлении права заготовить конкретный объем древесины, из которого и рассчитывается арендная плата.

Продление срока действия договора аренды лесного участка, предоставленного с целью заготовки древесины, не должно повлечь изменения иных существенных условий аукционной документации и договора аренды лесного участка, в том числе увеличения предусмотренного договором объема изъятия лесных ресурсов на арендованном участке.

В период действия договора аренды арендатор освоил допустимый договором аренды ежегодный объем изъятия лесных ресурсов. Следовательно, введенные в 2022 году санкции против Российской Федерации в данном случае не повлияли на возможность исполнения обществом договора и реализации цели аренды лесного участка — заготовка древесины в определенном договором объеме.

Повторное продление срока действия заключенного с обществом договора аренды лесного участка приведет к нарушению баланса публичных и частных интересов, а также противоречит установленному законом порядку предоставления лесных участков в аренду для заготовки древесины.

2. Уступка требования в размере сложившегося сальдо встречных предоставлений по расторгнутому договору лизинга не влечет перевода на цессионария обязанностей cedenta, который не освобождается от исполнения продолжающих лежать на нем обязанностей

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2024 г. № 307-ЭС24-13391

(Извлечение)

Лизингополучатель (цедент) заключил с обществом (цессионарий) договор уступки требования, в соответствии с которым к последнему

переходит право взыскания сложившегося в пользу лизингополучателя сальдо встречных предоставлений, вытекающих из расторгнутых договоров лизинга. Цессионарий обратился в арбитражный суд с иском к лизингодателю о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Лизингодатель предъявил встречный иск, считая, что сальдо встречных обязательств по спорным договорам сложилось в его пользу, а обязанным лицом стал цессионарий.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска цессионария, установив, что сальдо сложилось в пользу лизингодателя. Удовлетворяя встречный иск, суд пришел к выводу, что лизингополучатель, уступив цессионарию право требования сальдо по расторгнутым договорам лизинга, перевел на последнего и долг по договорам лизинга, поэтому именно цессионарий является надлежащим ответчиком (должником) по встречному иску лизингодателя о взыскании неосновательного обогащения (суммы сальдо).

Суд апелляционной инстанции, с которым согласился суд округа, решение суда первой инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 10 декабря 2024 г. отменила принятые по делу судебные акты в части взыскания неосновательного обогащения с цессионария, указав следующее.

По смыслу п. 1 ст. 382, п. 1 ст. 384, ст. 389¹ ГК РФ последствием уступки права (требования) является замена кредитора в конкретном обязательственном правоотношении, в состав которого входит уступаемое право (требование), а не замена стороны в договоре.

По смыслу ст.ст. 390 и 396 ГК РФ невозможность перехода требования, например, по причине его принадлежности иному лицу или его прекращения, сама по себе не приводит к недействительности договора, на основании которого должна была производиться такая уступка, и не освобождает cedenta от ответственности за неисполнение обязательств, возникших из этого договора (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 “О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки”).

Данное правило применимо также и в случаях, если в действительности требование никогда не существовало или прекратило существование в силу реализации должником своего права на предъявление возражений.

Следовательно, если сальдо сложилось не в пользу cedenta, им было уступлено недействительное (несуществующее) право, в иске цессионария к другой стороне договора лизинга должно быть отказано.

При этом к цессионарию не может перейти обязательство cedenta как стороны договора

лизинга по уплате суммы сальдо, сложившегося в пользу другой стороны лизинга.

Уступка права (требования) по обязательству, в котором уступающий требование кредитор является одновременно и лицом, обязанным перед должником, не влечет перевод на цессионария соответствующих обязанностей cedenta. Cedent не освобождается от исполнения продолжающих лежать на нем обязанностей.

Для перевода таких обязанностей необходимо совершение сделки по переводу долга или по замене стороны в договоре лизинга.

Между тем условия договора уступки не предусматривают переход от лизингополучателя (cedenta) к цессионарию обязательств перед лизингодателем и не позволяют сделать вывод о том, что воля сторон была направлена также на совершение сделки по переводу долга.

Кроме того, перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным в соответствии с п. 2 ст. 391 ГК РФ. При этом лизингодатель не давал согласия на такой перевод.

Следовательно, обязательство по уплате лизингодателю суммы сальдо осталось у лизингополучателя.

Таким образом, у судов не было оснований для взыскания с цессионария сложившегося в пользу лизингодателя результата сальдирования по спорным договорам лизинга.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспариваемый частично подп. “а” п. 3 приложения к Правилам выплаты публично-правовой компанией

“Фонд развития территорий” возмещения гражданам — участникам строительства, имеющим требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений, утвержденным постановлением Правительства РФ от 7 октября 2017 г. № 1233, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 сентября 2024 г. № АКПИ24-506, вступившее в законную силу

2. Оспариваемый частично подп. 1 п. 2

Оснований, условий и способов проведения указанных в пункте 4² статьи 9 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” мероприятий, порядка использования результатов этих мероприятий, утвержденных приказом ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1268@, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 октября 2024 г. № АКПИ24-688, вступившее в законную силу

3. Абзац 8 п. 6.74 свода правил СП 34.13330.2021 “СНиП 2.05.02-85* Автомобильные дороги”, утвержденного и введенного в действие приказом Министра России от 9 февраля 2021 г. № 53/пр, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2024 г. № АКПИ24-566, вступившее в законную силу

4. Оспариваемый частично абз. 1 квалификационных характеристик должностей “Заведующий структурным подразделением (отделом, отделением, лабораторией, кабинетом, отрядом) — врач-специалист” раздела II “Должности руководителей” Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел “Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения”, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010 г. № 541н, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 30 октября 2024 г. № АКПИ24-579, вступившее в законную силу

5. Оспариваемые частично пп. 4, 9 Оснований, условий и способов проведения указанных в пункте 4² статьи 9 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” мероприятий, порядка использования результатов этих мероприятий, утвержденных приказом ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1268@, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 ноября 2024 г. № АКПИ24-648, вступившее в законную силу

6. Оспариваемая частично таблица 23 приложения № 1 к приказу Минобороны России от 18 сентября 2019 г. № 545 “О системе оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации” признана не противоречащей федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 октября 2024 г. № АКПИ24-661, вступившее в законную силу

7. Подпункты 9.7, 9.12.2, 9.12.10 п. 9, подп. 10.3, 10.4, 10.5, 10.6, 10.7 п. 10 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 октября 2024 г. № АКПИ24-691, вступившее в законную силу

8. Оспариваемое частично Положение об исчислении выслуги лет, назначении и выплате пенсий и пособий прокурорам и следователям, научным и педагогическим работникам органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, имеющим классные чины, и их семьям, утвержденное постановлением Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 942, признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 октября 2024 г. № АКПИ24-722,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 6 февраля 2025 г. № АПЛ24-492*

9. Оспариваемые частично п. 4 Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июля 2004 г. № 345, пп. 6 и 7 Федерального стандарта профессиональной деятельности арбитражных управляющих “Правила ведения Реестра требований о передаче жилых помещений”, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 20 февраля 2012 г. № 72, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 октября 2024 г. № АКПИ24-749,
вступившее в законную силу*

10. Пункт 5, подп. “д” п. 12³ Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1291, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 5 ноября 2024 г. № АКПИ24-756,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 февраля 2025 г. № АПЛ24-498*

11. Пункт 7 изменений, которые вносятся в Правила проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2023 г. № 2177, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 ноября 2024 г. № АКПИ24-767,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 февраля 2025 г. № АПЛ24-506*

12. Оспариваемый частично абз. 2 подп. 25.1 п. 25 порядка ведения, структуры, состава и форм государственного охотхозяйственного реестра, установленных приказом Минприроды России от 28 июля 2021 г. № 519, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 ноября 2024 г. № АКПИ24-790,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 февраля 2025 г. № АПЛ24-507*

13. Оспариваемый частично подп. 38.11 п. 38 требований к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам в границах территории объекта культурного наследия федерального значения — достопримечательное место “Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита”, расположенного в городе Севастополе, утвержденных приказом Минкультуры России от 12 августа 2016 г. № 1864, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 27 ноября 2024 г. № АКПИ24-809,
вступившее в законную силу*

14. Пункт 6 Основ формирования индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 400, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 октября 2024 г. № АКПИ24-726,
вступившее в законную силу*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. По смыслу положений ч. 2 ст. 71 УПК РФ лицо, которому были известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое по этим основаниям ранее допрашивалось в качестве свидетеля, не может привлекаться к производству по этому же делу в качестве специалиста, а полученные с его участием доказательства не могут признаваться допустимыми

*Постановление Президиума Верховного Суда РФ
от 23 октября 2024 г. № 21-П24*

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 5 июля 2021 г. Е., несудимый, осужден по ч. 3 ст. 216 УК РФ к трем годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с оперативным управлением оборудованием тепловых сетей, сроком на два года.

В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком три года, в связи с чем на Е. возложены указанные в приговоре обязанности.

Постановлено взыскать с Е. процессуальные издержки в пользу потерпевших Н.Ю. и Н.С. по 50 000 руб. каждому в возмещение расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю.

Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 22 сентября 2021 г. приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 5 июля 2021 г. в отношении Е. в части решения о взыскании с него процессуальных издержек в пользу Н.Ю. и Н.С. отменен, постановлено выплатить потерпевшим Н.Ю. и Н.С. из средств федерального бюджета по 50 000 руб. каждому в возмещение расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю, и взыскать с Е. в доход федерального бюджета процессуальные издержки в размере 100 000 руб.

Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2022 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Е. оставлены без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Е. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 11 июля 2024 г. № 37-П.

Президиум Верховного Суда РФ 23 октября 2024 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Е. осужден за нарушение правил безопасности при ведении иных работ, повлекшее по неосторожности смерть двух человек.

Преступление совершено 28 сентября 2018 г. в г. Санкт-Петербурге при обстоятельствах, изложенных в приговоре суда.

Е. в своем обращении в Конституционный Суд РФ оспаривал конституционность ст. 71 УПК РФ, допускающей, по его мнению, неопределенность в аспекте допустимости участия в уголовном деле специалиста, который ранее участвовал в деле в качестве свидетеля.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 11 июля 2024 г. № 37-П признал ч. 2 ст. 71 УПК РФ не противоречащей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она по своему конституционно-правовому смыслу в системной связи с иными положениями этого Кодекса исключает участие в уголовном деле в статусе специалиста лица, ранее допрошенного в качестве свидетеля, и влечет признание недопустимыми доказательств, полученных с его участием в нарушение данного требования.

При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что выявленный конституционно-правовой смысл ч. 2 ст. 71 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

В Постановлении от 11 июля 2024 г. № 37-П Конституционный Суд РФ, разрешая вопрос о порядке его исполнения, указал, что судебные решения, вынесенные по делу Е. на основании ч. 2 ст. 71 УПК РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Применительно к вопросу об участии в уголовном деле в статусе специалиста лица, ранее допрошенного в качестве свидетеля, Конституционный Суд РФ отметил, что в случаях расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, сопряженных с техногенными факторами, с возникновением и развитием неблагоприятного и неуправляемого процесса на техническом объекте, повлекшего вредные последствия (например, о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 216, 217, 238 УК РФ), может возникнуть потребность в допросе лиц, которые одновременно обладают специальными знаниями в технике и при этом прямо или косвенно причастны к расследуемым событиям, являются их очевидцами, участниками, теми, кто играл свою роль в контроле над состоянием объекта, в соблюдении технологии, в обеспечении безопасности его функционирования. Участие в допросе дает или может дать таким лицам дополнительную осведомленность о его целях, о существе проверяемых версий (исходя из содержания заданных вопросов и из обстоятельств допроса), а предупреждение об уголовной ответственности и ее угроза в случае изменения показаний связывает или могут связывать последующий допрос лица в качестве специалиста ранее данными показаниями или высказанными суждениями. В отношении такого лица возникают обоснованные причины полагать, что оно лично заинтересовано в исходе уголовного дела, в ответлении от себя подозрений в причастности к преступлению или в нарушении регулятивных правовых норм либо в силу непосредственного восприятия им обстоятельств не способно дать объективную справочную информацию в виде показаний или заключения специалиста.

Поэтому, как указал Конституционный Суд РФ, привлечение допрошенного свидетеля к последующему участию в уголовном деле в качестве специалиста и дальнейший его допрос в этом статусе ставят под сомнение его объективность, непредвзятость, беспристрастность и ведут к недопустимому совмещению в одном уголовном деле, пусть и на разных стадиях уголовного процесса, одним и тем же лицом разных процессуальных статусов, что создает или может создать для потенциально заинтересованного лица возможность ввести правосудие в заблуждение путем представления основанных на специфических знаниях доказательств, какowymi выступают показания и заключение специалиста, соединяя специальные знания с субъективным отношением к произошедшему. Кроме того, последующее привлечение к участию в деле свидетеля в статусе специалиста потенциально создает взаимно подкрепляющие друг друга, но сомнительные с точки зрения достоверности доказательства (показания сви-

детеля, показания специалиста и заключение специалиста), множественность которых может зависеть от характера участия специалиста в процессуальных действиях и от существа его содействия собиранию доказательств (обнаружение следов преступления и их фиксация, исследование материалов дела, формулирование вопросов эксперту, дача квалифицированных и компетентных разъяснений).

С учетом вышеуказанных правовых позиций Конституционный Суд РФ подчеркнул, что последовательная трансформация статуса свидетеля по уголовному делу в статус специалиста ведет к доказыванию обвинения и устранению сомнений в виновности с применением, по сути, непригодных средств (даже тогда, когда в иных аспектах следственные действия были проведены с соблюдением уголовно-процессуальных правил), к подмене доказательств, что ставит под сомнение оценку собранных в такой ситуации доказательств как отвечающих требованиям допустимости, вытекающим из ст.ст. 14, 87 и 88 УПК РФ.

Как следует из материалов уголовного дела, суд при обосновании вывода о виновности Е. в нарушении правил безопасности при ведении иных работ, повлекших по неосторожности смерть двух человек, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 216 УК РФ, сослался в приговоре в том числе на показания специалистов А., Р., С.А., С.Ю., которые признал допустимыми доказательствами, указав, что обстоятельств, исключающих участие каждого в производстве по делу, не имеется.

Оценивая показания названных специалистов как достоверные, суд в приговоре отметил, что каждый из них имеет высокий уровень квалификации, диспетчерская служба находится в ведении Р. (заместитель главного директора по режиму теплоснабжения АО «Теплосеть Санкт-Петербурга»), А. (заместитель главного инженера по эксплуатации и ремонту АО «Теплосеть Санкт-Петербурга»); С.Ю. отвечает за работу станции ТЭЦ-15; Р. и А. являются одними из разработчиков производственных инструкций, которыми руководствуются диспетчеры центральной диспетчерской службы АО «Теплосеть Санкт-Петербурга» в своей работе; С.А. как главный инженер АО «Теплосеть Санкт-Петербурга» утвердил производственную инструкцию № 1-П по заполнению, включению и отключению водяных тепловых сетей.

При этом из материалов уголовного дела усматривается, что в ходе предварительного следствия А., С.А. и С.К. до привлечения в качестве специалистов допрашивались в качестве свидетелей.

Вышестоящие суды не согласились с доводами стороны защиты о недопустимости в качестве доказательств показаний, в частности, А. и С.А. в статусе специалистов. По мнению суда апелляционной инстанции, предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для отвода специалистов А., С.А., С.К., Р. не имелось. Третий кассационный суд общей юрисдикции отме-

тил, что допрос А., С.А., С.К. на первоначальном этапе расследования в качестве свидетелей не исключает их участие в судебном разбирательстве в статусе специалистов.

Таким образом, из материалов уголовного дела следует, что судами, в том числе апелляционной и кассационной инстанций, при разрешении вопросов, касающихся участия в уголовном деле специалистов, в частности А., С.А., и оценки положенных в основу приговора доказательств в виде их показаний в статусе специалистов, положениям ч. 2 ст. 71 УПК РФ в их системной связи с иными нормами этого Кодекса дано истолкование, расходящееся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении Е. ввиду новых обстоятельств, апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 22 сентября 2021 г. и определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2022 г. в отношении Е. отменил, уголовное дело передал на новое апелляционное рассмотрение¹.

2. Об устойчивых связях между членами преступного сообщества могут свидетельствовать в том числе направленные на достижение преступных целей их общение и передача информации друг другу через скрытую от посторонних лиц переписку в интернет-мессенджерах с использованием псевдонимов в целях конспирации преступной деятельности сообщества

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 января 2023 г. № 74-УД22-10СП-А5

(Извлечение)

По приговору Верховного Суда Республики Саха (Якутия) с участием присяжных заседателей от 16 декабря 2021 г. (с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений) Б., несудимый, признан виновным помимо прочего за участие в преступном сообществе (преступной организации) и осужден по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

¹Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 28 января 2025 г. приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 5 июля 2021 г. в отношении Е. изменен: исключено из описательно-мотивировочной части приговора указание на доказательства вины осужденного — показания специалистов А., С.А., С.К.; на основании п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ Е. освобожден от наказания, назначенного по ч. 3 ст. 216 УК РФ, в связи с истечением сроков давности.

Этот же приговор от 5 июля 2021 г. в части взыскания с Е. процессуальных издержек отменен. Постановлено возместить потерпевшим Н.Ю. и Н.С. процессуальные издержки, связанные с оплатой услуг представителя, по 50 000 руб. каждому за счет средств федерального бюджета и взыскать с Е. в пользу федерального бюджета процессуальные издержки в размере 100 000 руб.

По этому же приговору осуждены Д., Ш. и М.

В кассационной жалобе Б. указывал, что его действия неправильно квалифицированы по ч. 2 ст. 210 УК РФ, поскольку он с М. знаком лично не был и отношений между ними не установлено, не участвовал в собраниях организованных групп, все общение осуществлялось через сеть “Интернет”; из его показаний видно, что он общался лишь с одним лицом и не взаимодействовал с другими участниками группы. Просил об отмене приговора, а в судебном заседании — об исключении осуждения по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 11 января 2023 г. оставила кассационную жалобу на судебные решения без удовлетворения, отметив следующее.

Из установленных вердиктом коллегии присяжных заседателей фактических обстоятельств дела, правильно отраженных в приговоре суда, видно, что для осуществления действий по распространению наркотических веществ в ноябре 2019 г. была создана сплоченная организация, члены которой объединились для систематического совместного распространения наркотиков бесконтактным способом через сеть “Интернет” от имени интернет-магазинов для получения финансовой выгоды на протяжении неограниченного времени. Сообщество отличалось сложной иерархической структурой с наличием обособленных по функциональному и территориальному признакам подразделений, представленных организованными и устойчивыми группами, действующими в том числе в городах Якутске, Москве и в Московской области.

Сообщество характеризовалось единым руководством, которое финансировало его деятельность, длительностью периода деятельности, отработанной системой распространения наркотиков, распределением ролей между участниками, едиными для всех мерами конспирации, запрещающими личное знакомство членов сообщества, предполагающими обмен информацией только через зашифрованную связь интернет-мессенджера с использованием вымышленных имен, передачу наркотиков бесконтактным способом через “оператора”, обучение правилам оборудования тайников, совершение финансовых операций через неперсонифицированные счета в криптовалюте.

Иерархия сообщества и подразделений включала разнообразие участников, выполняющих отведенные им роли “организатора”, “финансистов”, “кураторов”, “операторов”, “вербовщиков”, “отделов кадров”, “межрегиональных управителей”, “складов”, “закладчиков”.

При этом действия Б. заключались в том, что он являлся членом этой организации (сообщества): в ноябре 2019 г., узнав о наборе “кураторов”, отправил фото своего паспорта и анкету, от “куратора” узнал о деятельности сообщества, его структуре, возможности карьерного роста, мерах конспирации, размере вознаграждения за один оборудованный им тайник с нарко-

тиками, получил инструкции, в мессенджере связался с “оператором”, согласно договоренности о длительном распространении наркотиков в соответствии с отведенной ему ролью объединился с иными лицами сообщества и вошел в структурное подразделение в г. Якутске, выполнял роль “закладчика” наркотиков, а после указания “оператора” выполнял роль “склада” — получал сокрытые в посылках оптовые партии наркотических веществ, которые фасовал в мелкооптовые партии и через оборудованные тайники распространял неопределенному кругу потребителей, и в составе сообщества совершил деяния, связанные со сбытом конкретных партий наркотиков, привлек, разъяснив схему деятельности, алгоритм фасовки и порядок выплаты вознаграждения, к распространению наркотических веществ Д., который в дальнейшем действовал с Б. по договоренности о длительном распространении наркотиков с использованием сети “Интернет” в соответствии с отведенными ролями, аналогичным способом вовлек в сообщество Ш., и получил за период указанной деятельности вознаграждение в размере 2 176 790,41 руб., часть из которых выплатил Д. и Ш. за их участие в группе.

Указанные действия осужденного правильно квалифицированы по ч. 2 ст. 210 УК РФ как участие в преступном сообществе (преступной организации).

Отсутствие какого-либо открытого личного общения между соучастниками, на что обращается внимание в кассационной жалобе, не свидетельствует об отсутствии признаков преступного сообщества (преступной организации), которое отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой (структурированная группа или объединение организованных групп), целью совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения материальной выгоды, и не зависит от способов общения входящих в него участников.

Все существенные признаки преступного сообщества (преступной организации) установлены вердиктом коллегии присяжных заседателей и мотивированы в приговоре.

Как видно из фактических обстоятельств дела, запрет на личные контакты являлся средством конспирации членов преступного сообщества, а избранный способ передачи информации через скрытую от посторонних лиц переписку в интернет-мессенджерах с использованием псевдонимов позволял обеспечить устойчивость сообщества и был направлен на достижение его преступных целей.

То обстоятельство, что Б. не участвовал в собраниях организованных групп, не свидетельствует о незаконности приговора, поскольку такие действия ему не вменялись и они не являются обязательным признаком участия в преступном сообществе (преступной организации).

3. Вынесение судьей по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в отношении одного лица, приговора, в котором им была высказана позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, в силу требований ч. 2 ст. 63 УПК РФ исключает возможность его участия в рассмотрении уголовного дела в отношении другого лица, которому предъявлено обвинение в связи с участием в совершении того же преступления

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 октября 2022 г. № 16-УД22-14-К4

(Извлечение)

По приговору Чернышковского районного суда Волгоградской области от 23 июля 2020 г. К. осуждена по ч. 2 ст. 228, п. “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 8 сентября 2020 г. приговор оставлен без изменения в части квалификации действий К.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2021 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

К. признана виновной в незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотических средств в крупном и значительном размере, а также в незаконном сбыте наркотических средств в значительном размере.

В кассационной жалобе К. просила изменить судебные решения, ссылаясь в том числе на то, что этим же судьей ранее был постановлен приговор в отношении А., в котором судья предредила вопрос о ее (К.) виновности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 октября 2022 г. приговор и последующие судебные решения в отношении К. отменила, уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Исходя из положений ст. 61 УПК РФ, судья не может участвовать в производстве по уголовному делу в случаях, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела.

По смыслу ч. 2 ст. 63 УПК РФ судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свою позицию относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности обвиняемого в его совершении, не может принимать участие в дальнейшем производстве по делу.

В силу правовых позиций, изложенных в ряде определений Конституционного Суда РФ, в том числе от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, от 17 июня 2008 г. № 733-О-П, не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела судья, который ранее принимал решения по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания. В такого рода

случаях недопустимость повторного участия судьи в судебном заседании по тем же вопросам не зависит от того, было или не было отменено вышестоящим судом принятое с его участием решение.

Как следует из материалов уголовного дела, К. было предъявлено обвинение, в частности, в незаконном сбыте 8 ноября 2019 г. А. части незаконно хранившегося у нее наркотического средства массой 33,32 г.

По приговору Чернышковского районного суда Волгоградской области от 10 марта 2020 г. А. признан виновным в том, что 8 ноября 2019 г. у лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство (т.е. у К.), незаконно приобрел наркотическое средство массой 33,32 г.

Приговор в отношении А. был постановлен под председательством судьи Б. в особом порядке судебного разбирательства.

Впоследствии под председательством судьи Б. было рассмотрено уголовное дело по обвинению К., и она признана виновной в том числе в незаконном сбыте А. наркотического средства. В качестве доказательства виновности К. в приговоре приведены показания А. об обстоятельствах приобретения им наркотического средства у К.

Таким образом, рассмотрение судьей Б. уголовного дела в отношении К. оказалось связанным с оценкой ранее уже исследовавшихся с ее участием при рассмотрении уголовного дела в отношении А. обстоятельств. Высказанное судьей в судебном решении в отношении А. мнение по вопросам, вновь ставшими предметом судебного разбирательства по делу в отношении К., являлось обстоятельством, исключающим возможность участия того же судьи в рассмотрении уголовного дела в отношении К.

4. Ссылка суда апелляционной инстанции при новом рассмотрении уголовного дела на то, что доводы апелляционных жалоб были признаны несостоятельными при предыдущем апелляционном пересмотре, по результатам которого обвинительный приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, был отменен и дело направлено в суд, постановивший приговор, для рассмотрения иным составом с момента, следующего за провозглашением вердикта, свидетельствует о фактическом оставлении без рассмотрения данных доводов судом апелляционной инстанции, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2022 г. № 9-УД22-40СП-А4

(Извлечение)

По приговору Нижегородского областного суда от 4 февраля 2022 г., постановленному с участием присяжных заседателей, С. и Н. осуждены по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, Л. — по п. “ж” ч. 2 ст. 127, п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По приговору также осужден Д.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 11 мая 2022 г. приговор в отношении С., Н. и Л. оставлен без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту осужденного С. просил отменить состоявшиеся судебные решения, указав, что доводы жалобы о незаконности вердикта были оставлены судом апелляционной инстанции без рассмотрения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 29 декабря 2022 г., рассмотрев кассационную жалобу адвоката и проверив уголовное дело в отношении Л. в соответствии с ч. 2 ст. 401¹⁶ УПК РФ, отменила апелляционное определение и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

В силу ст. 389⁹ УПК РФ суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам, представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции.

В соответствии с положениями п. 7 ч. 3 ст. 389²⁸ УПК РФ в решении суда апелляционной инстанции подлежат обязательному указанию мотивы принятого решения относительно всех доводов поданных жалоб.

Данные требования уголовно-процессуального закона не были соблюдены судом апелляционной инстанции.

Из материалов уголовного дела следует, что 25 октября 2021 г. судебной коллегией по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции отменен обвинительный приговор Нижегородского областного суда от 8 июня 2021 г. в отношении С., Н., Л. и Д., уголовное дело передано на новое рассмотрение иным составом суда с момента, следующего за провозглашением вердикта присяжных заседателей.

По результатам рассмотрения дела Нижегородским областным судом 4 февраля 2022 г. в отношении С., Н., Л. и Д. вновь постановлен обвинительный приговор.

По итогам нового рассмотрения уголовного дела по апелляционным жалобам осужденных и их защитников 11 мая 2022 г. судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции пришла к выводу о том, что доводы жалоб, в том числе о недопустимости доказательств, исследованных в присутствии присяжных заседателей, нарушениях требований уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе судебного разбирательства, незаконности вердикта, несостоятельны и не могут служить основанием для отмены или изменения приговора, поскольку данные вопросы были разрешены судом апелляционной инстанции в апелляционном определении от 25 октября 2021 г.

Следовательно, судом апелляционной инстанции оставлены без рассмотрения доводы апелляционных жалоб о нарушениях уголовно-процессуального закона, имевших место до вынесения вердикта, касающихся процедуры судебного разбирательства.

Тем самым судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей

юрисдикции признала, что приговор в части выводов присяжных заседателей по вопросам, которые разрешены ими при вынесении вердикта, вступил в законную силу по итогам предыдущего апелляционного рассмотрения дела.

Как следует из апелляционного определения от 25 октября 2021 г., при отмене приговора по основанию, предусмотренному ст. 389¹⁷ УПК РФ, и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение с момента, следующего за провозглашением вердикта присяжных заседателей, суд апелляционной инстанции высказал свои суждения, в том числе относительно законности вердикта.

Между тем по смыслу предписаний, содержащихся в п. 3 ст. 351 УПК РФ, вердикт присяжных заседателей является одной из составляющих приговора.

Согласно ч. 1 ст. 389² УПК РФ в апелляционном порядке рассматриваются жалобы и представления на не вступившие в законную силу решения суда первой инстанции.

Положения ст. 390 УПК РФ и другие нормы закона также не предполагают возможности вступления приговора в законную силу по частям, в том числе приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей, в котором установлены, в частности, фактические обстоятельства преступного деяния, в совершении которого лицо признано виновным, и содержатся ответы на другие вопросы.

Иное противоречило бы презумпции невиновности, предусмотренной ст. 14 УПК РФ в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства, действие которого распространяется в том числе на производство в суде апелляционной инстанции.

Кроме того, это означало бы, что при отмене приговора в соответствии со ст. 389²² УПК РФ первое апелляционное определение, содержащее выводы о законности вердикта присяжных заседателей, имеет преюдициальное значение, ограничивающее полномочия апелляционной инстанции при новом рассмотрении дела по апелляционным жалобам и представлениям, что также ставило бы под сомнение законность, обоснованность и справедливость итогового решения по делу.

С учетом изложенного приведенные в апелляционных жалобах на приговор от 4 февраля 2022 г. доводы, в частности о нарушениях уголовно-процессуального закона относительно процедуры судебного разбирательства в суде с участием присяжных заседателей, допустимости доказательств, незаконности вердикта, требовали тщательной проверки и оценки, без чего невозможно сделать вывод о законности судебного решения.

Таким образом, оставление судом апелляционной инстанции доводов апелляционных жалоб без рассмотрения является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела¹.

¹ Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2023 г. приговор оставлен без изменения.

5. Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе законность приговора, вправе при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 82 УК РФ, самостоятельно разрешить вопрос о применении к осужденному отсрочки отбывания наказания, если она не была применена судом, вынесшим приговор

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 февраля 2023 г. № 89-УД22-22-К7

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Тюмени от 17 декабря 2021 г. П., несудимая, осуждена по ч. 1 ст. 228 УК РФ к одному году лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к четырем годам шести месяцам лишения свободы. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний П. назначено пять лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда от 24 февраля 2022 г. приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2022 г. приговор и апелляционное определение в отношении П. изменены; исключена из описательно-мотивировочной части приговора ссылка суда на показания свидетелей З. и О. в части изложения сведений, ставших им известными со слов осужденной П.

В кассационной жалобе К. — адвокат П. просил судебные решения изменить, применить к осужденной положения ч. 1 ст. 82 УК РФ. Утверждал, что суд необоснованно отказал в применении к П. ч. 1 ст. 82 УК РФ, поскольку в судебном заседании было установлено, что она полностью признала свою вину в совершении преступлений, раскалась в содеянном, активно способствовала раскрытию и расследованию преступлений; имеет неудовлетворительное состояние здоровья, так же как и ее близкие родственники; во время вынесения приговора находилась в состоянии беременности, о чем в суд были представлены необходимые документы; добровольно оказывала благотворительную помощь. Адвокат ссылался также на положительную характеристику П. из учреждения, в котором она отбывала наказание. Обращал внимание на наличие у родившегося ребенка осужденной родовой травмы, нахождение его в состоянии здоровья средней тяжести, неполучение им должного лечения. Полагал, что с учетом личности П., ее отношения к содеянному, смягчающих наказание обстоятельств и наличия малолетнего ребенка возможно достижение цели ее исправления без реального отбывания наказания в виде лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 февраля 2023 г. изменила судебные решения, отметив следующее.

В силу требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ судебное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Согласно данной норме права судебное решение признается таковым, если оно постановлено в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ и основано на правильном применении уголовного закона, с приведением мотивов принятого решения по всем его аспектам, касающимся предмета судебного разбирательства.

Однако приговор, апелляционное и кассационное определения в отношении П. не соответствуют данным критериям в части отказа в применении положений ч. 1 ст. 82 УК РФ об отсрочке отбывания наказания.

В соответствии с ч. 1 ст. 82 УК РФ беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Как усматривается из материалов уголовного дела, во время рассмотрения дела в суде первой инстанции П. была беременна. Сторона защиты представила суду соответствующие документы и просила отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Суд первой инстанции указал в приговоре, что содержащаяся в ч. 1 ст. 82 УК РФ норма не является обязательной для применения, наличие беременности само по себе также не может выступать в качестве обязательного условия для применения отсрочки отбывания наказания, данный вопрос может быть разрешен в стадии исполнения приговора.

Однако судом не учтено, что целью правовой нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 82 УК РФ, является обеспечение разумного баланса между публичным интересом в неотвратимости наказания лица, совершившего преступление, и интересами его ребенка, развитию и формированию его личности в малолетнем возрасте противоречит отстранение от воспитательного процесса его матери (либо отца как единственного родителя).

По смыслу закона в применении института отсрочки отбывания наказания первостепенное значение придается интересам ребенка, которые затрагиваются осуждением его родителя. При этом отсрочка отбывания наказания не применяется в исключительных случаях, предусмотренных законом, а именно: к лицам, которым назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности; к лицам, которым назначено лишение свободы за преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴ и 205⁵, чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 361 УК РФ, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст.ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ; к лицам, которым назначено наказание в виде лишения свободы либо ограничения свободы за преступления

против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста; в случае, если с учетом личности родителя либо совершения им преступления в отношении малолетнего применение данной нормы права противоречит интересам ребенка.

Суд первой инстанции, отказывая в применении отсрочки отбывания наказания П., находившейся в состоянии беременности, а в настоящее время имеющей малолетнего ребенка, 2022 года рождения, не привел в приговоре основания, с которыми закон связывает абсолютный запрет на применение такой отсрочки.

Совершенные П. преступления не относятся к числу преступлений, при которых запрещается применение положений ч. 1 ст. 82 УК РФ.

Предусмотренная п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ возможность применения отсрочки исполнения приговора в стадии его исполнения не освобождает суд от рассмотрения вопроса применения ч. 1 ст. 82 УК РФ при постановлении приговора.

Судом установлено, что П. совершила преступления впервые, искренне раскаялась в содеянном, активно способствовала раскрытию и расследованию преступлений, осуществляла благотворительную деятельность, находилась в состоянии беременности. Имелись также сведения о наличии заболеваний у нее и ее близких родственников, кото-

рым осужденная оказывала помощь, о положительной характеристике с места работы и посредственной характеристике, выданной участковым уполномоченным полиции, об отсутствииотягчающих наказание обстоятельств.

Таким образом, сведения о личности осужденной не свидетельствуют о том, что применение ч. 1 ст. 82 УК РФ противоречило бы интересам ребенка, рождение которого ожидалось.

Из приобщенных к кассационной жалобе характеристик усматривается, что в период содержания под стражей в качестве меры пресечения, а также по месту отбывания наказания П. характеризуется положительно. Согласно выпискам из истории болезни ребенку, у которого имеется родовая травма, рекомендовано наблюдение у педиатра, невролога, хирурга в поликлинике по месту жительства, периодическое обследование и прохождение курса лечения в отделении медицинской реабилитации.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и последующие судебные решения изменила, отсрочила П. реальное отбывание наказания в виде лишения свободы сроком на пять лет до достижения ее ребенком, 2022 года рождения, четырнадцатилетнего возраста, освободила П. из-под стражи.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Высказывание виновным потерпевшему в ходе его похищения угрозы убийством охватывается п. “в” ч. 2 ст. 126 УК РФ и дополнительной квалификации не требует

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 16 декабря 2024 г.*

(Извлечение)

По приговору Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 3 ноября 2023 г., с учетом изменений, внесенных апелляционным определением Южного окружного военного суда от 12 апреля 2024 г., З. помимо прочего осужден по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 126 и ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Согласно приговору З. по предварительномуговору с другими лицами насильно похитили А., перевезли его на автомобиле в лесной массив, где Г. и З. применили к нему физическое насилие, опасное для жизни, а З., кроме того, угрожал убийством ему и членам его семьи.

Рассмотрев дело по кассационным жалобам защитников осужденных, кассационный военный суд 16 декабря 2024 г. судебные решения изменил, в том числе в части осуждения З. по ч. 1 ст. 119 УК РФ, исключив названную статью уголовного закона как излишне вмененную.

Квалифицируя по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 126 и ч. 1 ст. 119 УК РФ действия З., связанные с непосредственным похищением потерпевшего А., суд первой инстанции исходил из того, что З. группой лиц по предварительномуговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, участвовал в его похищении и последующем удержании, в ходе которого он высказал также А. угрозу убийством.

Однако при этом судом оставлены без внимания разъяснения пп. 2 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 “О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми”, согласно которым под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления, а высказанная при этом угроза убийством охватывается п. “в” ч. 2 ст. 126 УК РФ, тогда как высказывание или иное выражение такой угрозы при незаконном лишении свободы следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 127 УК РФ и ст. 119 УК РФ.

Следовательно, по данному эпизоду ч. 1 ст. 119 УК РФ излишне вменена З., и она подлежит исключению.

2. Отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения ссылки на обстоятельство, отягчающее наказание, указанное в ч. 1 ст. 63 УК РФ, не препятствует суду самостоятельно признать его таковым при установлении его в ходе судебного разбирательства, поскольку окончательно вопрос о наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые учитываются при назначении наказания, разрешается при постановлении приговора

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 10 декабря 2024 г.*

(Извлечение)

По приговору Тихоокеанского флотского военного суда от 23 сентября 2024 г. З. осужден по ч. 2 ст. 205² УК РФ к лишению свободы с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ на срок три года в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело по кассационному представлению прокурора, апелляционный военный суд 10 декабря 2024 г. приговор изменил, признал совершение З. преступления в период мобилизации обстоятельством, отягчающим его наказание, предусмотренным п. “л” ч. 1 ст. 63 УК РФ, исключил из приговора указание на применение ч. 1 ст. 62 УК РФ и усилил наказание до пяти лет лишения свободы.

Согласно приговору З., негативно относясь к проведению специальной военной операции, находясь на территории Камчатского края, разместил в период с 29 декабря 2023 г. по 10 февраля 2024 г. в мессенджере “Телеграм” 4 текстовых сообщения, призывающие к осуществлению террористической деятельности.

Содержанное З. нашло отражение в обвинительном заключении при изложении фактических обстоятельств совершения им преступления. При этом установлено, что текстовые сообщения размещены З. в сети “Интернет” в период проведения специальной военной операции, а их содержание неразрывно с ней связано.

Обсуждая позицию стороны обвинения относительно необходимости учета обстоятельства, отягчающего наказание З., предусмотренного п. “л” ч. 1 ст. 63 УК РФ, — совершение преступления в условиях вооруженного конфликта, в период мобилизации, суд первой инстанции указал в приговоре, что означенные в данной норме уголовного закона условия на территории Камчатского края отсутствовали, а деяние З. не повлияло на мобилизационные мероприятия и с ними не связано.

Вместе с тем суд не учел, что это деяние неразрывно связано и было совершено в период и в условиях проведения специальной военной операции, а также частичной мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 “Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации”, которая распространяет свое действие на всю территорию Российской Федерации.

Именно в связи с этим в судебном заседании государственный обвинитель просил признать совершение подсудимым преступлений в период мобилизации обстоятельством, отягчающим наказание, предусмотренным п. “л” ч. 1 ст. 63 УК РФ.

При таких данных отсутствие в обвинительном заключении указания на то обстоятельство, что преступление совершено З. в период мобилизации, как на отягчающее наказание, не препятствовало суду самостоятельно признать его таковым при постановлении приговора.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЗА 2024 ГОД

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению споров о несостоятельности (банкротстве) по результатам изучения и обобщения судебной практики за 2024 год Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

Возбуждение дела о банкротстве и установление требований в реестре

1. Понижение очередности требования кредитора в прекращенном деле о банкротстве не препятствует возбуждению нового дела о банкротстве на основании такого требования.

В деле о банкротстве требование аффилированного с должником гражданина признано обоснованным и подлежащим погашению в очередности, предшествующей распределению

ликвидационной квоты. Производство по этому делу прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для финансирования процедур несостоятельности.

После этого гражданин обратился с заявлением по другому делу о признании должника банкротом.

Суды признали заявление гражданина необоснованным, сочтя, что кредитор по требованию о возврате компенсационного финансирования не вправе по смыслу ст.ст. 2, 33 и 48 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) инициировать дело о несостоятельности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по спору судебные акты и направляя спор для рассмотрения по существу, указала следующее.

Признавая обоснованным требование гражданина и понижая очередность его удовлетворения, суд в рамках первого дела о банкротстве

исходил из того, что указанное лицо, являясь аффилированным, предоставило должнику в ситуации его имущественного кризиса компенсационное финансирование посредством выдачи займов по двум договорам. Поскольку оба договора займа признаны недействительными, предъявленное кредитором требование квалифицировано в качестве неосновательного обогащения.

Требование кредитора не носило корпоративного характера, а представляло собой требование субординированного кредитора.

Понижение очередности удовлетворения требования предоставившего компенсационное финансирование лица (далее — субординация) представляет собой механизм справедливого распределения рисков, подразумевающий сохранение на стороне кредитора материального права требования к должнику, не являющегося корпоративным, и, как следствие, всех прав, предоставляемых участвующему в деле о банкротстве лицу (ст. 34 Закона о банкротстве), в том числе и права на самостоятельное инициирование процедуры банкротства должника.

В связи с изложенным выводы судов о наличии оснований для прекращения производства по делу о банкротстве сделаны с существенным нарушением норм процессуального и материального права.

2. Очередность удовлетворения требования о возврате финансирования не может быть понижена, если у кредитора отсутствует интерес в извлечении прибыли из деятельности общества.

В деле о банкротстве компании требования банка, основанные на кредитных договорах, включены в реестр в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. Субординируя предъявленные требования, суды основывались на установленных в рамках дела о банкротстве банка обстоятельствах ведения им высокорискованной кредитной политики, обусловленной фактической аффилированностью должностных лиц банка по отношению к группе компаний, в которую входил должник.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по обособленному спору судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Основанием понижения очередности требования контролирующего должника лица о возврате займа, предоставленного в начальный период деятельности должника, может являться отсутствие иных целей выбора такой модели финансирования, кроме перераспределения риска на случай банкротства.

Неотъемлемым условием субординации требования кредитора по приведенному основанию является наличие у него бенефициарного интереса по отношению к должнику, заключающегося в возможности кредитора контролировать использование вложенных в общество

средств и получать прибыль, размер которой потенциально не ограничен, в результате такого контроля при успешности проекта, осуществляемого обществом (п. 1 ст. 50, п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)).

Наличие у кредитора, предоставившего должнику финансирование, права контролировать деятельность последнего для обеспечения возврата этого финансирования не является основанием понижения очередности требования, если кредитор не преследует цель участия в распределении предполагаемой будущей прибыли должника.

Отсутствие у кредитной организации такой цели презюмируется. Бремя доказывания обратного возлагается на лицо, ссылающееся на необходимость понижения очередности требования банка.

В рассматриваемом случае судами не установлено обстоятельств, позволяющих прийти к выводу о том, что банк при предоставлении кредитного финансирования преследовал цель последующего распределения прибыли в случае успешности проекта либо действовал под влиянием контролирующего должника лица.

3. Очередность требований кредиторов в деле о банкротстве подконтрольного лица не учитывается при определении очередности их требований из субсидиарной ответственности в деле о банкротстве контролирующего лица, а влияет на их внутренние отношения при распределении выручки.

В деле о банкротстве производственного кооператива к субсидиарной ответственности привлечено общество. Впоследствии в отношении общества возбуждено дело о банкротстве. Заявитель, являвшийся кредитором второй очереди в реестре требований кредиторов кооператива и распорядившийся этим требованием путем уступки в свою пользу (подп. 3 п. 2 ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве), обратился с заявлением о включении своего требования во вторую очередь в реестр требований кредиторов общества (далее — реестр).

Суд первой инстанции заявление удовлетворил, указав, что требование кредитора в деле о банкротстве контролирующего лица сохраняет ту же очередность, что и в деле подконтрольного лица.

Суд апелляционной инстанции определение изменил в части очередности, включил требование в третью очередь реестра.

Суд округа постановление суда апелляционной инстанции отменил, оставил в силе определение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

Субсидиарная ответственность является ответственностью контролирующего лица по собственному обязательству. Правовым основанием иска о привлечении такого лица к субсиди-

арной ответственности выступают, помимо прочего, правила о деликте (ст. 1064 ГК РФ), долг из которого в силу абз. 4 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве удовлетворяется в составе требований кредиторов третьей очереди реестра.

Применительно к конкурсной массе контролирующего лица очередность удовлетворения, которая сложилась в деле о банкротстве подконтрольной организации между ее кредиторами, не имеет правового значения, влияет лишь на их внутренние отношения между собой. Так, по смыслу п. 3 ст. 61¹⁸ Закона о банкротстве для целей проведения расчетов управляющий принимает во внимание требование о привлечении к субсидиарной ответственности как единое консолидированное требование. Поступившие в пользу консолидированного требования денежные средства распределяются в соответствии с их внутренней очередностью, установленной законодательством о несостоятельности применительно к делу о банкротстве подконтрольного лица.

4. При уступке кредитором требования по общему правилу передаются все иные связанные с ним требования, как упомянутые в договоре уступки, так и не упомянутые в нем.

В деле о банкротстве кооператива требование банка, вытекающее из кредитного договора, включено в реестр. Гражданин, являвшийся контролирующим лицом кооператива, привлечен к субсидиарной ответственности; в размер ответственности гражданина вошло в том числе требование банка по кредиту.

После этого требование из субсидиарной ответственности реализовано на торгах и уступлено цессионарию.

По заявлению цессионария возбуждено дело о банкротстве гражданина, введена процедура реализации имущества, требование цессионария из субсидиарной ответственности включено в реестр.

Поскольку гражданин, помимо прочего, являлся поручителем перед банком по кредиту кооператива, банк обратился с заявлением о включении требования из поручительства в реестр.

Удовлетворяя заявление, суды исходили из того, что требование, основанное на субсидиарной ответственности по долгам кооператива, и требование из поручительства обладают различной правовой природой, в связи с чем оба требования подлежат включению в реестр, при этом цессионарию было уступлено только одно из них, тогда как другое требование по-прежнему принадлежит банку.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и отказывая о включении требования в реестр, указала следующее.

Долг по кредиту, обеспеченный поручительством гражданина, в деле о банкротстве кооператива вошел в размер субсидиарной ответственности гражданина.

Обязательства поручителя (из договора поручительства) и контролирующего должника лица (из субсидиарной ответственности) направлены на защиту одного экономического (имущественного) интереса кредитора, заключающегося в возврате задолженности основного должника. Такие обязательства являются как солидарными по отношению к задолженности основного должника, так и опосредованно солидарными между собой. Двойное исполнение по ним недопустимо (п. 1 ст. 325 ГК РФ).

Изолированная уступка одного из солидарных обязательств приводила бы к ситуации, при которой cedent, получив исполнение или произведя взыскание по оставшемуся у него обязательству, мог бы одновременно прекратить обязательство, перешедшее к цессионарию. Возможность такого недобросовестного и противоречащего абз. 5 п. 2 ст. 390 ГК РФ поведения не отвечает существу отношений цессии, поскольку создает на стороне цессионария неопределенность в его правовом положении, зависящую исключительно от воли cedenta.

При толковании условий договора уступки требования, входящего в состав солидарных обязательств, следует по общему правилу исходить из единовременной уступки всех требований, входящих в состав таких обязательств, как упомянутых в договоре, так и не упомянутых в нем. Все уступаемые требования в изложенном смысле являются связанными между собой (п. 1 ст. 384 ГК РФ).

Следовательно, после реализации на торгах в деле о банкротстве кооператива прав из субсидиарной ответственности (в объеме которой вошел долг по кредиту) были уступлены и все иные солидарные обязательства, принадлежащие банку, в связи с чем в настоящее время он не является кредитором по договору поручительства.

В другом деле Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ применительно к схожим обстоятельствам указала следующее.

Реституционное обязательство стороны договора о возврате обществу сумм, полученных по недействительной сделке, и обязательство бывшего директора (причинителя убытков) о возмещении обществу реального ущерба возникли из разных оснований, однако направлены на удовлетворение одного экономического интереса, а должник вправе получить исполнение только единожды. В целях исключения несомнительного обогащения к обязательствам подлежали применению нормы о солидарных обязательствах (ст. 323 ГК РФ).

По смыслу п. 1 ст. 384, п. 1 ст. 308 ГК РФ cedent, обладающий требованием к нескольким солидарным должникам, уступая требование к одному из них, также уступает требование к другим солидарным должникам, если иное не предусмотрено договором, на основании которого производится уступка.

5. Требование об уплате налога на добавленную стоимость, восстановленного в результате реализации на торгах конкурсной массы, относится к третьей очереди реестра, если такой налог принят к вычету до возбуждения дела о банкротстве.

В рамках осуществления своей хозяйственной деятельности общество создало объект недвижимости — транспортную развязку. НДС от расходов на создание данного объекта предъявлен обществом к вычету.

Впоследствии в отношении общества открыта процедура конкурсного производства, в связи с чем данный объект как вошедший в конкурсную массу реализован на публичных торгах. Конкурсный управляющий на основании подп. 15 п. 2 ст. 146 и подп. 2 п. 3 ст. 170 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) подал декларацию, на основе которой восстановлено обязательство по уплате НДС, ранее принятого к вычету.

Налоговый орган потребовал уплаты суммы восстановленного НДС в составе текущих платежей. В свою очередь, конкурсный управляющий полагал, что такое требование относится к третьей очереди реестра, в связи с чем обратился в арбитражный суд с заявлением о разрешении соответствующих разногласий.

Суды согласились с позицией уполномоченного органа, указав, что восстановление налога произошло в налоговый период после возбуждения дела о банкротстве, в связи с чем налог должен быть отнесен к текущим платежам. Кроме того, поскольку реализованное имущество находилось в залоге, суды указали, что вычет погашается в порядке п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве в составе расходов на сохранность имущества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ принятые по обособленному спору судебные акты отменила, включила требование уполномоченного органа в третью очередь реестра и указала следующее.

Получаемый налогоплательщиком вычет по НДС является формой имущественного предоставления со стороны государства. Соответственно, если налоговый период, в рамках которого предоставлен вычет (финансирование), окончился до возбуждения дела о банкротстве, то требование уполномоченного органа должно квалифицироваться в качестве реестрового. При этом законодательство о банкротстве не дифференцирует кредиторов в зависимости от того, выражена ли ими воля на вступление в отношения с должником.

Поскольку конкурсные кредиторы в силу произведенного исполнения принимали участие в формировании конкурсной массы должника, при этом ввиду банкротства должника обязательства перед ними должны исполняться на основе принципов очередности и пропорциональности, то и возникшие вследствие исполненных гражданско-правовых сделок налоговые обязательства должны подчиняться аналогичному режиму удовлетворения.

Таким образом, по смыслу ст.ст. 5 и 134 Закона о банкротстве для цели отнесения налоговой задолженности по восстановленному НДС к реестровой или текущей следует руководствоваться периодом, в который совершена операция, ставшая основанием для формирования налоговой базы для осуществления вычета.

Кроме того, в аналогичной по существу ситуации при определении очередности требования об уплате налога от реализации конкурсной массы Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 мая 2023 г. № 28-П указал, что не все обязательные платежи, формально возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, подлежат отнесению к текущим платежам.

В рассматриваемом случае налоговые обязательства образуются при реализации всего массива конкурсной массы, т.е. имущества, предназначенного прежде всего для расчетов с кредиторами, в силу чего налоговые обязательства не могут погашаться приоритетно перед такими кредиторами.

Поскольку в рассматриваемом случае НДС принят должником к вычету по операциям, совершенным в налоговый период, который окончился до возбуждения дела о банкротстве, требование об уплате такого налога относится к третьей очереди реестра.

Также Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила, что восстановленный вычет по НДС не может быть отнесен к числу расходов на сохранность заложенного имущества, в связи с чем положения п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве к нему не применимы.

6. Имущественные налоги могут быть отнесены к расходам на содержание залогового имущества банкрота только за период после получения залоговым кредитором возможности обратиться на предмет залога.

Конкурсный управляющий должника обратился с заявлением о разрешении разногласий по вопросу распределения денежных средств, вырученных от реализации имущества, заложенного в обеспечение требования банка, в целях уплаты земельного налога, налога на имущество и пеней.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и суда округа, вырученные средства признаны подлежащими выплате в порядке текущих платежей до расчетов с залоговым кредитором за период с даты возбуждения дела о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и разрешая разногласия по существу, указала следующее.

По смыслу п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве налоги, начисление которых связано с продолжением эксплуатации залогового имущества в период проведения процедур по делу о банкротстве,

подлежат уплате в порядке погашения расходов на обеспечение сохранности предмета залога и реализации его на торгах, т.е. в первоочередном порядке, за счет средств, поступивших от реализации предмета залога. Соответствие такого толкования п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве положениям Конституции Российской Федерации в системе действующего правового регулирования признано Конституционным Судом РФ в Постановлении от 9 апреля 2024 г. № 16-П.

Данный подход основан на принципе обособленности процедуры, касающейся судьбы залогового имущества, и позволяет избежать дисбаланса в объеме прав кредиторов с разным статусом, когда имущественная выгода от продажи предмета залога будет предоставляться только залоговому кредитору, а расходы, непосредственно связанные с этим же имуществом, будут погашаться за счет иных активов должника в ущерб интересам остальных кредиторов. Тем самым при неприменении к имущественным налогам п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве на рядовых незалоговых кредиторов будет возложена обязанность уплатить налоги, связанные с имуществом, за счет которого они не получают удовлетворение.

С момента, когда у залогового кредитора появляется право обратиться взыскание на заложенное имущество (в том числе на арендные платежи — абз. 4 п. 2 ст. 334 ГК РФ), т.е. когда к нему переходит право распоряжаться материальной базой, за счет которой ранее собственник нес бремя содержания имущества, возникает экономическое основание для возложения на такого залогового кредитора обязанности погасить имущественные налоги за соответствующий период.

В зависимости от того, когда фактически становится возможным обращение взыскания на предмет залога, возможны три основных варианта исчисления периода, за который бремя по уплате имущественных налогов относится на залогового кредитора: 1) со дня объявления резолютивной части об открытии конкурсного производства, если требования залогового кредитора были установлены в реестре до этого дня; 2) со дня включения требований залогового кредитора в реестр, если такое установление приходится на период конкурсного производства; 3) за весь период, начиная с возбуждения дела о банкротстве, если выручка от аренды (иной эксплуатации) имущества передавалась исключительно залоговому кредитору, а не распределялась между всеми кредиторами.

Оспаривание сделок должника

7. При установлении равноценности встречных обязательств по договору, заключенному с работником должника, учитывается не только цена сделки, но и вклад работника в хозяйственную деятельность предприятия, в том числе в пределах трудовой функции.

В деле о банкротстве юридического лица конкурсный управляющий обратился с заявлением об оспаривании договора, на основании

которого должник предоставил своему бывшему работнику в собственность жилое помещение.

Суды заявление управляющего удовлетворили, исходя из того, что сделка являлась для должника безвозмездной, а следовательно, совершенной при неравноценном встречном исполнении во вред кредиторам.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты и направляя обособленный спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Из п. 1 ст. 61² Закона о банкротстве следует, что понятие неравноценности является оценочным, в силу чего к нему не могут быть применимы заранее установленные формальные (процентные) критерии отклонения договорной цены от рыночной. Помимо цены для определения признака неравноценности во внимание должны приниматься все обстоятельства совершения сделки, т.е. необходимо исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся убедительным и обоснованным.

В данном деле ответчик на всех стадиях судебного разбирательства приводил документально обоснованные доводы о том, что он длительное время являлся сотрудником должника, а оспариваемый договор фактически представлял собой материальное поощрение работника в соответствии с условиями трудового договора. Ответчик обращал внимание на то, что такое поощрение работников практиковалось должником в своей хозяйственной деятельности.

Для целей банкротства встречное предоставление работника может заключаться не только в предусмотренной условиями договора оплате, но и во вкладе в деятельность предприятия, которую вносит работник исходя из той трудовой функции, которую он выполнял в период до и после совершения сделки по условиям трудового договора.

В случае документального подтверждения изложенные ответчиком факты указывают на то, что сопутствующие заключению договора обстоятельства и контекст взаимоотношений сторон исключали вывод о подозрительности сделки, а также о неравноценном характере осуществленного контрагентами встречного исполнения.

8. Требования контролирующих должника лиц о конкурсном оспаривании сделок должника по общему правилу не подлежат удовлетворению.

В деле о банкротстве юридического лица его мажоритарный акционер с долей более 60%, требование которого признано подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, обратился с заявлением о признании недействительными договоров об открытии кредитной линии и договоров о переводе долга.

Суды заявление удовлетворили, признали сделки недействительными по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, исходя из того, что сделки не были экономически целесообразными, поскольку увеличивали долговую нагрузку должника во вред его кредиторам.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и направляя обособленный спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Институт оспаривания сделок должника по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве (далее — конкурсное оспаривание сделок), прежде всего направлен на защиту интересов независимых кредиторов, чьи требования объективно существовали к моменту совершения предполагаемого противоправного действия. У контролирующих должника лиц, в том числе являющихся кредиторами в деле о банкротстве, по общему правилу отсутствует подлежащий судебной защите материально-правовой интерес в конкурсном оспаривании сделок. Иное приводило бы к тому, что они имели бы возможность недобросовестно использовать дело о банкротстве для пересмотра итогов своей хозяйственной деятельности.

Институт конкурсного оспаривания сделок по своему предназначению направлен прежде всего на защиту кредиторов от контролирующих лиц, их недобросовестных действий по выводу активов в преддверии банкротства. Являясь членами одной группы лиц, они не имеют права противопоставлять другим участникам сделок и должнику возражения об убыточности сделок в силу противоречия таких возражений их предшествующему поведению. При этом законодательство защищает интересы контролирующих и иных аффилированных лиц посредством механизмов корпоративного права, допускающих возможность оспаривания сделок, совершенных без необходимого согласия либо с нарушением представителем условий осуществления полномочий либо интересов юридического лица (ст.ст. 173¹, 174 ГК РФ и др.).

9. При оспаривании платежей участника группы необходимо учитывать совокупность взаимосвязанных финансовых операций всех членов такой группы.

Конкурсный управляющий обратился с заявлением об оспаривании денежных операций, произведенных должником, на основании п. 3 ст. 61³ Закона о банкротстве.

Суды заявление конкурсного управляющего удовлетворили.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые судебные акты и направляя обособленный спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Участвующие в деле лица не оспаривали, что должник входил в группу компаний, не от-

рицали реальность внутригрупповых договорных отношений, в том числе тех, в рамках которых произведен оспариваемый платеж, не ссылались на какие-либо документы, указывающие на то, что движение денежных потоков внутри группы имело признаки искусственного перераспределения получаемой из внешних источников выручки на одного члена группы.

Поскольку доводы, ставящие под сомнение наличие спорных отношений, не были заявлены, отношения не могли быть квалифицированы в качестве мнимых (п. 1 ст. 170 ГК РФ). Нет оснований и для признания оспариваемого платежа недействительным как операции, совершенной в обход требований независимых кредиторов и направленной на изъятие компенсационного финансирования, предоставленного ранее (п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве).

При оценке внутригрупповых отношений необходимо принимать во внимание в том числе финансовые операции по счетам должника, сальдо внутригрупповых расчетов, а также сложившуюся бизнес-модель отношений в группе.

Анализируемая группа компаний не являлась искусственно раздробленным на самостоятельные организации образованием. Ее разделение на отдельные юридические лица основано на функциональном распределении обязанностей. Из содержания одной исходящей расчетной операции при наличии других (входящих) операций невозможно понять, является ли такая операция частью незаконного плана по изъятию компенсационного финансирования в ущерб интересам независимых кредиторов. Для оценки соответствующих обстоятельств необходимо проанализировать внутригрупповые отношения комплексно. Если после одной расходной операции по оплате внутригрупповых услуг совершается последующая операция, на основании которой на счет того же лица поступает денежная сумма из внутригруппового источника, пополняющая конкурсную массу, то предпочтение устраняется на сумму, полученную по второй операции (ст. 61⁷ Закона о банкротстве).

10. При оспаривании обеспечительной сделки подлежит учету выгода от финансирования, полученная лицом, предоставившим обеспечение по обязательству другого участника группы компаний.

Иностранный банк (далее — банк) обратился с заявлением о включении требования в реестр, а конкурсный управляющий обратился с заявлением об оспаривании лежащей в основании требования сделки, оба заявления объединены в одно производство. Требование банка было основано на гарантии должника, обеспечивающей обязательства из облигаций иностранной компании, входящей в одну группу аффилированных с должником лиц.

Суды признали договор гарантии недействительным, а требование необоснованным, указав,

что покупка банком облигаций изначально не предполагала исполнение обязательства иностранной компанией как основным заемщиком, так как она была создана с минимальным капиталом накануне эмиссии облигаций. Суды полагали, что такая схема финансирования имеет рискованный характер и причинила вред кредиторам.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты и отказывая в удовлетворении заявления о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности, указала следующее.

Из обстоятельств дела следовало, что банк приобрел облигации иностранной компании, полностью подконтрольной должнику; деньги по облигационному займу фактически получены должником, он израсходовал их по своему усмотрению.

В ходе рассмотрения обособленного спора в предыдущих инстанциях банк последовательно объяснял, что использованная сторонами модель финансирования имела экономический смысл, позволяя законно уменьшить размер налоговых обязательств участников сделки. Таким образом, банк не только привел убедительные доводы по поводу реальности сделки и взаимной выгоды для сторон, но и обосновал широкое использование подобной модели в международном коммерческом кредитовании.

Поскольку должник действовал в интересах группы взаимосвязанных лиц и получил выгоду от выданного банком финансирования, выдача им гарантии не может расцениваться как противоречащая сути предпринимательской деятельности безвозмездная сделка и ввиду изложенного не подлежит оспариванию на основании ст. 61² Закона о банкротстве.

11. Сделки, опосредующие возврат компенсационного или корпоративного финансирования, могут быть оспорены на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Конкурсный управляющий обратился с заявлением об оспаривании семи договоров уступки прав требования на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве. Требования к третьим лицам были уступлены должником лицу (ответчику), которое ранее осуществляло компенсационное финансирование должника, тем самым фактически осуществлялся возврат такого финансирования.

Суды первой и апелляционной инстанций заявление удовлетворили.

Суд округа судебные акты отменил, пришел к выводу о том, что возврат компенсационного финансирования фактически представляет собой предпочтительное погашение требования ответчика, в связи с чем соответствующие сделки подлежат оспариванию на основании ст. 61³ Закона о банкротстве. В связи с этим суд округа удовлетворил заявление управляющего только в отношении сделок, совершенных в пределах

шестимесячного срока до принятия к производству заявления о признании должника банкротом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

При оспаривании сделок по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, истец должен доказать факт нарушения сделкой имущественных интересов кредиторов должника. В данном случае ответчиком и должником созданы условия для максимально возможного погашения обязательств, возникших из отношений по компенсационному финансированию (для изъятия этого финансирования) в ущерб интересам независимых кредиторов, т.е. для переложения на последних риска утраты компенсационного финансирования, что очевидно свидетельствует о нарушении их имущественных интересов.

В другом деле применительно к оспариванию сделки, направленной на возврат миноритарным акционером ранее внесенного в капитал банка-должника безвозмездного вклада (п. 1 ст. 32² Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах”), Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала следующее.

Поскольку сделки (внесение безвозмездного вклада и обратная сделка) заключены ответчиком как акционером и непосредственно связаны с его участием в капитале должника, они носят корпоративный характер. Согласно абз. 8 ст. 2, а также ст. 148 Закона о банкротстве акционеры по таким обязательствам не относятся к числу конкурсных кредиторов, соответствующие обязательства носят внутренний характер и не могут конкурировать с внешними обязательствами, т.е. с обычными обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками этого оборота.

Акционер одновременно с внесением вклада в имущество должника принимает на себя повышенный риск утраты вклада на случай банкротства и соглашается с невозможностью его возврата до проведения расчетов с независимыми кредиторами. До заключения обратной сделки акционер должен проявить повышенную осмотрительность, приложить дополнительные усилия в сравнении с мерами общего характера, обычно предпринимаемыми контрагентами общества.

Суды установили, что обратная сделка заключена в трехлетний период подозрительности. Она является безвозмездной, а значит, направлена на причинение вреда кредиторам банка. В результате совершения обратной сделки конкурсная масса банка уменьшилась, что свидетельствует о фактическом причинении вреда. При этом исходя из обстоятельств дела вывод

судов о том, что ответчик не должен был знать об ущемлении обратной сделкой интересов кредиторов банка, был признан преждевременным и неподтвержденным.

При новом рассмотрении судам предложено проверить, охватываются ли спорные отношения положениями п. 2 ст. 61² и п. 3 ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве, и распределить бремя доказывания с учетом корпоративного характера сделок и целей их совершения.

12. Перечисление должником предоплаты как таковое не свидетельствует об оказании предпочтения по смыслу ст. 61³ Закона о банкротстве.

Должник (покупатель) накануне возбуждения дела о банкротстве произвел в адрес поставщика платеж по договору купли-продажи, предусматривающему стопроцентную предоплату. В тот же день поставщик осуществил отгрузку товара в полном объеме. Считая, что перечисление денежных средств привело к предпочтительному удовлетворению требования поставщика, конкурсный управляющий подал заявление о признании указанного платежа недействительным.

Суд первой инстанции заявление удовлетворил. Суд апелляционной инстанции определение отменил, в удовлетворении заявления отказал. Суд округа постановление суда апелляционной инстанции отменил, оставил в силе определение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

Согласно п. 3 ст. 61⁴ Закона о банкротстве сделки должника, по которым должник получил равноценное встречное исполнение обязательств непосредственно после заключения договора, могут быть оспорены только на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве. Невозможность оспаривания такой сделки как совершенной с предпочтением связана с тем, что ее совершение не влечет изменения объема конкурсной массы, так как без исполнения обязательства должником (изъятия) не будет и встречного исполнения обязательства контрагентом (пополнения). В данном случае отсутствует главный признак преимущественного удовлетворения — выборочное распределение недостаточных средств, которое нарушает принцип очередности и пропорциональности.

Следует учесть, что положения п. 3 ст. 61⁴ Закона о банкротстве применяются только в том случае, если должник исполнил обязательство первым, после чего незамедлительно получил равноценное встречное исполнение, поскольку в обратной ситуации у должника появляется выбор, в пользу кого исполнить обязательство при недостаточности средств, что не исключает возможности оспаривания преимущественного удовлетворения.

Применительно к данному спору должник получил равноценное встречное исполнение от

общества сразу после внесения денежных средств, что исключает оспаривание данной сделки по признаку предпочтительности.

Ответственность контролирующих должника лиц

13. Должник и привлеченные к ответственности контролирующие его лица отвечают перед конкурсным кредитором солидарно до полного погашения требований, в том числе при уступке кредитором приходящейся на него части требования о привлечении к субсидиарной ответственности.

В деле о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий, просил признать погашенными требования конкурсного кредитора, который ранее выбрал в соответствии со ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве такой способ распоряжения требованием о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, как уступка ему части требования.

Суды требования управляющего удовлетворили, требования признали погашенными.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и направляя спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Выбор конкурсными кредиторами способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности в виде уступки части требования состоит в том, что они принимают решение в дальнейшем самостоятельно реализовывать права в отношении принадлежащего им актива (деликтного требования). Однако это не уменьшает размер основного требования такого кредитора, о чем прямо указано в абз. 2 п. 6 ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве. Должник и его контролирующие лица продолжают солидарно нести ответственность перед кредитором до полного погашения требований.

14. Распоряжение требованием о взыскании убытков с контролирующего должника лица путем частичной уступки допускается, если присуждение убытков было направлено на защиту интересов кредиторов, а не корпорации.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об утверждении отчета о результатах выбора кредиторами способа распоряжения правом требования о взыскании кредиторских убытков с контролирующего должника лица. Конкурсный управляющий просил в определенной части заменить по соответствующему требованию должника на его правопреемника — конкурсного кредитора должника, а в остальной части выдать исполнительный лист на имя должника (по аналогии с подп. 3 п. 2 ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве).

Суды в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказали, сославшись на нарушение порядка распоряжения правом требования, закрепленного ст.ст. 61¹¹, 61¹⁶, 61¹⁷ Закона о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты, указала следующее.

Положениями ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве урегулированы отношения по распоряжению кредиторами правом требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Однако данная статья не содержит указания на возможность применения соответствующего механизма в отношении распоряжения кредиторами своим правом требования о привлечении контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков.

При соотношении субсидиарной ответственности с требованием о взыскании убытков с контролирующих лиц следует различать ответственность за вред, причиненный третьим лицам (кредиторам), и ответственность за вред, причиненный самому должнику. В отличие от субсидиарной ответственности, которая всегда имеет целью погашение требований кредиторов должника, возмещение убытков может быть направлено на компенсацию имущественных потерь как кредиторов, так и самой корпорации (акционеров, участников). Ввиду этого, в зависимости от имущественного интереса, на защиту которого направлено предъявленное арбитражным управляющим или кредиторами в деле о банкротстве требование о возмещении убытков, необходимо различать кредиторские (конкурсные) и корпоративные (замещающие) иски.

По заявлению о привлечении контролирующих лиц к ответственности в виде взыскания убытков по корпоративным основаниям прямым выгодоприобретателем выступает должник (его акционеры, участники), ввиду чего цена такого иска законодательно не ограничена размером требований кредиторов (п. 6 ст. 61²⁰ Закона о банкротстве). Она определяется по правилам ст.ст. 15, 53¹, 393 ГК РФ и равна сумме всех убытков, причиненных организацией. Предъявляя такой иск, кредиторы являются лишь процессуальными истцами, наделенными в силу пп. 1 и 2 ст. 61²⁰ Закона о банкротстве полномочиями выступать от имени (вместо) корпорации и ее акционеров. При этом корпоративные убытки (в отличие от кредиторских) изначально не принадлежат сообществу кредиторов, поскольку направлены на возмещение вреда, причиненного собственникам юридического лица.

Иной правовой природой обладают кредиторские убытки (ст. 1064 ГК РФ, ст. 61¹³ Закона о банкротстве). С точки зрения законодательства о банкротстве право на соответствующий кредиторский иск возникает с момента, когда носящая недобросовестный характер деятельность должника начинает приносить вред кре-

диторам, т.е. когда поступления в имущественную массу должника становятся ниже его кредиторской нагрузки, иными словами, когда стоимость чистых активов корпорации приобретает отрицательное значение. Само субъективное право требовать взыскания кредиторских убытков принадлежит не корпорации, а сообществу кредиторов. В отсутствие кредиторов права на привлечение к субсидиарной ответственности или на возмещение кредиторских убытков (равно как и на конкурсное оспаривание) не имеется как такового. Поэтому должник (корпорация) в такой ситуации выступает лишь номинальным держателем права от имени сообщества кредиторов.

Суть такого способа распоряжения правом требования из субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, как уступка кредиторам части требования в размере их требований к должнику, состоит в том, что кредиторы, будучи действительными собственниками права требования, принимают решение в дальнейшем самостоятельно реализовывать права в отношении принадлежащего им актива.

Поскольку требования, вытекающие как из кредиторских убытков, так и из субсидиарной ответственности, принадлежат самим кредиторам и имеют своей целью возместить вред, причиненный кредиторам должника, к ним возможно применение механизма, установленного ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве. Напротив, к корпоративным убыткам как к активу самого должника (его акционеров) этот механизм не может быть применим.

Следует также учитывать, что размер права требования о взыскании кредиторских убытков может не покрывать размера требований всех кредиторов. Однако данное обстоятельство не может являться основанием для отступления от очередности, установленной ст.ст. 134 и 142 Закона о банкротстве.

15. Во взыскании убытков с контролирующих должника лиц по корпоративным основаниям должно быть отказано в части, превышающей размер требований кредиторов, если ликвидационная квота подлежит распределению между теми же контролирующими лицами.

В деле о банкротстве должника кредитор обратился в суд с заявлением о взыскании убытков в солидарном порядке с двух лиц: бывшего руководителя и единственного участника должника. Основанием для взыскания являлось перечисление участнику должника заемных денежных средств. При этом общий размер заявленных убытков превышал общий размер требований кредиторов, включенных в реестр.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и направляя спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Иск о взыскании с контролирующего должника лица убытков по корпоративным основа-

ниям кредитор или арбитражный управляющий подают от имени самого должника (п. 2 ст. 61²⁰ Закона о банкротстве), который выступает прямым выгодоприобретателем по иску. Цена данного иска по общему правилу не ограничена размером требований кредиторов, определяется в порядке, предусмотренном ст.ст. 15, 393 ГК РФ, и равна сумме всех убытков, причиненных контролирующим лицом подконтрольной организации.

Предъявление кредитором иска о взыскании убытков, превышающих размер требований кредиторов должника, направлено на компенсацию потерь самого должника, т.е. заявлено кредитором в интересах лиц, обладающих правом на получение ликвидационной квоты. Таким лицом в данном деле является участник должника, который стал одновременно взыскателем и должником по иску о взыскании убытков, что недопустимо.

Таким образом, у них отсутствовал подлежащий защите правомерный интерес в части убытков, превышающих размер требований кредиторов должника. Указанное обстоятельство является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска о взыскании убытков в превышающей части.

В другом деле применительно к схожим обстоятельствам, в которых до рассмотрения требования о взыскании убытков по корпоративным основаниям контролирующее лицо уже было привлечено к субсидиарной ответственности, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила следующее.

Иск о привлечении к субсидиарной ответственности является способом защиты гражданско-правового сообщества кредиторов, размер ответственности по нему ограничен общей суммой требований кредиторов.

Взыскание с контролирующего лица, уже привлеченного к субсидиарной ответственности, дополнительного возмещения в виде корпоративных убытков направлено на нивелирование потерь общества, относимых на лиц, обладающих правом на получение ликвидационной квоты. Однако именно контролирующее лицо, заявленное в качестве ответчика, было фактическим руководителем и единственным бенефициаром (участником) общества. Ввиду фактического совпадения кредитора и должника (ст. 413 ГК РФ) отсутствовал субъект, чей правомерный интерес подлежал защите.

Участие арбитражного управляющего в деле о банкротстве и его ответственность

16. Арбитражный управляющий вправе передать относящийся к его компетенции вопрос на разрешение суда только при наличии спора с лицом, заинтересованным в разрешении этого спора.

Конкурсный управляющий обратился с заявлением об определении действительной стоимости чистых активов должника на опреде-

ленную дату с целью заключения договора дополнительного страхования ответственности и корректировки бухгалтерского баланса. Доводов о невозможности самостоятельного определения стоимости активов, а также о наличии какого-либо спора с конкурсными кредиторами конкурсный управляющий в заявлении не приводил.

Судами заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и прекращая производство по заявлению, указала следующее.

Законом о банкротстве не предусмотрена необходимость установления в судебном порядке фактической балансовой стоимости активов должника для целей определения страховой премии, подлежащей уплате арбитражным управляющим страховщику, в том числе их действительной рыночной стоимости.

Заявления и ходатайства о разногласиях между участвующими в деле лицами рассматриваются арбитражным судом по правилам ст. 60 Закона о банкротстве. Указанные заявления и ходатайства не подлежат разрешению арбитражным судом при отсутствии разногласий, а равно при отсутствии минимального обоснования интереса указанных лиц в разрешении разногласий.

Сомнения управляющего по вопросам, отнесенным к его компетенции, в отсутствие какого-либо спора с иным лицом, не подлежат судебному рассмотрению. В данном деле разрешение переданного арбитражному суду вопроса входило в исключительную компетенцию конкурсного управляющего как единоличного исполнительного органа должника. Производство по заявлению конкурсного управляющего подлежало прекращению применительно к положениям п. 1 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ).

17. При наличии разумных сомнений в беспристрастности и независимости арбитражного управляющего, предложенного кредитором, суд инициирует представление другой кандидатуры управляющего посредством случайного выбора.

Решением суда первой инстанции в отношении юридического лица по упрощенной процедуре введено конкурсное производство, утвержден конкурсный управляющий. Кандидатура управляющего была предложена первоначальным заявителем, требования которого впоследствии перешли к банку. Банк, являющийся мажоритарным кредитором должника, обжаловал судебные акты в части утверждения конкурсного управляющего, предложил выбрать управляющего не из той саморегулируемой организации, членом которой является назначенный конкурсный управляющий.

Суды апелляционной инстанции и округа оставили решение суда первой инстанции без изменений.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по делу судебные акты и направляя спор в части назначения конкурсного управляющего на новое рассмотрение, указала следующее.

Суд не может допускать ситуации, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости у суда имеются существенные и обоснованные сомнения.

В данном деле судами установлены согласованные действия должника, первоначального заявителя и третьих лиц, логичным объяснением которых выступила неформальная договоренность о мерах, направленных на назначение связанного с ними арбитражного управляющего. Таким образом, предложенная первоначальным заявителем кандидатура управляющего не могла быть утверждена ввиду неопровергнутых разумных подозрений в ее беспристрастности и независимости.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отклонила и предложенную банком кандидатуру управляющего, поскольку в условиях наличия у такого кредитора мажоритарного требования отсутствует уверенность в том, что предложенный им арбитражный управляющий (или арбитражный управляющий из предложенной им саморегулируемой организации) будет действовать не только в его интересах.

Статьей 45 Закона о банкротстве вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, поэтому суд не связан при принятии соответствующего решения волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и в последующих процедурах). Если у суда имеются разумные сомнения в независимости предложенного управляющего, суд вправе самостоятельно запросить другую кандидатуру управляющего посредством случайного выбора.

В подобных ситуациях суд может сделать запросы в несколько случайно отобранных саморегулируемых организаций для выбора оптимального кандидата. После получения ответов из саморегулируемых организаций (независимо от очередности их поступления) суд выбирает кандидатуру конкретного управляющего исходя из его профессиональных качеств, деловой репутации и опыта работы, принимая во внимание объем и сложность мероприятий, подлежащих выполнению в деле о банкротстве, а также направление и масштабы деятельности должника.

18. Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего не может быть установлено в максимальном размере в случае, если часть обязанностей управляющего им не выполнялась или фактически выполнена иными лицами.

В деле о банкротстве конкурсный управляющий просил установить ему стимулирующее вознаграждение за продажу заложенного имущества должника. При этом организатор

торгов по продаже такого имущества выступило третье лицо, привлеченное залоговым кредитором.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты нижестоящих судов, которыми требования управляющего были удовлетворены, и направляя спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер (п. 1 ст. 328 ГК РФ). Такой подход получил законодательное закрепление в п. 18 ст. 20⁶ Закона о банкротстве.

Погашение требований кредиторов способами, не связанными с эффективным осуществлением конкурсным управляющим мероприятий в рамках соответствующей процедуры банкротства, не может рассматриваться как основание для выплаты дополнительного стимулирующего вознаграждения. Управляющий, выполнивший лишь часть обязанностей из тех, что предусмотрены Законом о банкротстве, по причинам как объективного, так и субъективного характера, не вправе рассчитывать на получение максимальной выплаты.

При этом арбитражный управляющий при утверждении положения о продаже заложенного имущества не лишен возможности представить свои возражения против привлечения сторонних специалистов для исполнения обязанностей управляющего. По результатам рассмотрения обособленного спора суд может прийти к выводу о возложении обязанностей организатора торгов на арбитражного управляющего.

19. Принудительное исполнение судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности при содействии кредитора само по себе не влияет на право арбитражного управляющего на стимулирующее вознаграждение.

В деле о банкротстве юридического лица конкурсный управляющий на основании п. 31 ст. 20⁶ Закона о банкротстве обратился с заявлением об установлении ему стимулирующего вознаграждения, указывая, что судами было удовлетворено поданное им заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, произведено частичное погашение.

Конкурсный кредитор возражал против установления вознаграждения, ссылаясь на то, что ему была уступлена часть требования и погашение произошло в ходе исполнительного производства, открытого по заявлению самого кредитора.

Суд первой инстанции требования удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции, позицию которого поддержал суд округа, судебный акт отменил и в удовлетворении заявления отказал.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные

акты суда апелляционной инстанции и суда округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции, указала следующее.

В выплате вознаграждения может быть отказано, если арбитражный управляющий и привлеченные им специалисты не принимали меры, направленные на поиск контролирующих должника лиц и выявление их активов, занимали пассивную позицию в споре. Принудительное исполнение судебного акта при содействии самого кредитора не влияет на право управляющего на вознаграждение, если действия по привлечению контролирующих лиц к ответственности и оспариванию сделок с ними в деле о банкротстве осуществлены самим управляющим.

Законодательство не связывает выплату вознаграждения с необходимостью совершения управляющим экстраординарных действий, направленных на погашение требований кредиторов, а также не обуславливает эту выплату полным погашением указанных требований.

Иные вопросы

20. К компетенции арбитражных судов Российской Федерации относится рассмотрение дел о банкротстве иностранных должников.

Кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника — компании, зарегистрированной в иностранном государстве.

Суды производство по делу о банкротстве прекратили, сославшись на ст. 1202 ГК РФ, по смыслу которой принудительная ликвидация юридического лица осуществляется в соответствии с законодательством страны, где такое лицо зарегистрировано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты, указала следующее.

Компетенция арбитражных судов определяется в соответствии с принципом наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, поэтому нормы ч. 1 ст. 247 АПК РФ должны толковаться с учетом этого принципа. Перечень оснований компетенции арбитражных судов Российской Федерации, установленных указанной статьей, не является исчерпывающим.

Из совокупности норм ст. 65 ГК РФ и ст. 1 Закона о банкротстве следует, что действующее национальное законодательство не исключает возможности возбуждения российским судом процедуры несостоятельности (банкротства), осложненной иностранным элементом как на стороне кредитора (в частности, заявителя по делу о банкротстве), так и на стороне должника.

Суд, проверяя обоснованность заявления о признании несостоятельным (банкротом) иностранного лица, должен в целях определения своей компетенции согласно норме ст. 247 АПК РФ проверить наличие признаков тесной связи

должника с территорией Российской Федерации, подтверждением чего могут служить, в частности, следующие обстоятельства: организация ведет не носящую временного характера экономическую деятельность на территории Российской Федерации; коммерческая деятельность ориентирована на лиц, находящихся в юрисдикции Российской Федерации; центр основных интересов контролирующих лиц находится на территории Российской Федерации; орган управления, филиал или представительство иностранного лица находится на территории Российской Федерации; контролирующие организацию лица имеют российское гражданство, разрешение на временное проживание или вид на жительство в Российской Федерации либо связаны корпоративными правоотношениями с российскими юридическими лицами; контролирующие лица привлечены к субсидиарной ответственности российским судом; на территории Российской Федерации находятся имущественные активы организации, в том числе недвижимое имущество, права аренды на земельные участки; значительную часть кредиторов составляют российские юридические лица, граждане Российской Федерации или лица, чья деятельность тесно связана с территорией Российской Федерации; организацией совершалось значительное количество сделок с местом исполнения на территории Российской Федерации; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации, а также иные обстоятельства. При распределении между сторонами спора обязанностей по доказыванию обстоятельств должны учитываться объективные возможности участников оборота обеспечить подтверждение имеющих значение для дела фактов.

Кроме того, после установления национальной компетенции и определения территориальной подсудности спора при рассмотрении вопроса об обоснованности заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) суду надлежит определить, находится ли центр основных интересов должника в российской юрисдикции или за ее пределами, и, в зависимости от установленного, возбудить основное или вторичное (локальное) производство по делу о банкротстве.

В ситуации, когда юридическое лицо лишь формально (номинально) имеет регистрацию за пределами российской юрисдикции, а в действительности является российской организацией, т.е. когда центр его основных интересов находится на территории Российской Федерации, суду надлежит ввести в отношении такого должника основное производство по делу о банкротстве, которое будет создавать эффект для всех остальных юрисдикций. Определяя центр основных интересов должника, суд может принимать во внимание, в частности, следующие обстоятельства, имевшие место до подачи заявления о банкротстве: местонахождение основного имущества должника; местонахождение большинства кредиторов должника;

местонахождение производственных ресурсов должника; место осуществления предпринимательской деятельности должника; место извлечения большей части прибыли — получения основных доходов должника; место, в котором осуществляется реорганизация должника; характер основных обязательств должника, в частности место их возникновения и исполнения; местонахождение контролирующего должника лиц, их центр основных интересов; иные обстоятельства, указывающие на наличие существенной связи деятельности должника с территорией государства.

Основное производство распространяется на все имущество должника вне зависимости от страны его местонахождения (например, абз. 3 п. 1 ст. 213²⁶ Закона о банкротстве), а также на всех кредиторов, включая иностранных (п. 5 ст. 1 Закона о банкротстве).

В ситуации, когда центр основных интересов организации имеет место нахождения в юрисдикции иностранного государства, но на территории Российской Федерации должник имеет постоянное представительство либо имущество, суд в определенных случаях вправе ввести в отношении него вторичное производство по делу о трансграничном банкротстве, распространяющее свое действие на кредиторов и имущество, связанных с деятельностью юридического лица на территории Российской Федерации. Целью введения такого производства является обеспечение защиты интересов российских кредиторов в отсутствие у них эффективного доступа к той юрисдикции, в которой должно осуществляться основное производство по делу о банкротстве.

В таком случае суд фактически вводит процедуру в отношении обособленной имущественной массы должника, находящейся на территории Российской Федерации или связанной с ней. Управляющий в целях эффективного управления конкурсной массой в данном случае имеет те же полномочия, что и при возбуждении основного производства, но только в отношении такого имущества.

В связи с тем, что доводы сторон не получили надлежащей оценки судов, обособленный спор направлен на новое рассмотрение.

21. Течение сроков исковой давности по разным требованиям, направленным на защиту одного и того же интереса конкурсного кредитора, начинается одновременно.

В деле о банкротстве банка его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об оспаривании соглашений о расторжении договоров поручительства с обществом. Определением суда сделки признаны недействительными.

Ссылаясь на восстановление долга и неисполнение заемщиками обеспеченных поручительствами обязательств, банк в деле о банкротстве общества обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований, основанных на поручительстве.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано в связи с пропуском банком срока исковой давности, который исчислен с момента, когда банк узнал об основаниях для оспаривания соглашений о расторжении. При этом суд отклонил возражения банка о том, что до вступления в законную силу судебных актов о признании соглашений о расторжении договоров поручительства недействительными у него отсутствовало материальное право требовать у должника исполнения обязательств.

Суд апелляционной инстанции, поддержанный судом округа, отменил определение суда первой инстанции и включил требование банка в реестр, отметив, что иск банка о признании соглашений о расторжении договоров поручительства недействительными имел преобразовательный характер, т.е. до вступления в законную силу указанных судебных актов у банка отсутствовала правовая возможность реализации прав из договоров поручительства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановления судов апелляционной инстанции и округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции, указала следующее.

Как обращаясь с заявлением о признании недействительными соглашений о расторжении договоров поручительства, так и предъявляя требования к поручителю, банк действовал в защиту одного и того же интереса — возврата ранее предоставленных кредитов. Следовательно, сроки исковой давности по таким требованиям начали течение одновременно.

Получив сведения о наличии пороков у сделок, банк, будучи разумным участником гражданского оборота, с этого же дня должен был осознать, что у поручителя имеется перед ним непогашенная задолженность.

Последовательность споров (об оспаривании оспоримой сделки и о взыскании долга из обеспечения) не влияет на начало течения срока исковой давности: если для удовлетворения иска по второму делу необходимо решение по первому делу, то рассмотрение первого дела не приостанавливает течение сроков давности по второму, поскольку истец имеет возможность подать второй иск и заявить ходатайство о его приостановлении до рассмотрения первого.

Вопрос об исчислении сроков исковой давности при защите кредитором одного интереса встает не только при оспаривании обеспечительных сделок. Подобная ситуация возникает в таких случаях сосуществования требований, как оспаривание оспоримой сделки и реституция по ней; оспаривание оспоримой сделки и виндикация ее предмета у последующего приобретателя; оспаривание корпоративного решения об одобрении сделки и оспаривание самой этой сделки; оспаривание зачета в деле о банкротстве и взыскание восстановленной задолженности; оспаривание пла-

тежа по основному долгу в деле о банкротстве и взыскание восстановленного долга с поручителя; применение к реституции правил о возмещении неполученного дохода; признание действий арбитражного управляющего незаконными и взыскание с него убытков и т.д.

В другом деле Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила, что если потерпевший осведомлен о неправомерном удержании причитающейся ему денежной суммы или незаконном завладении его имуществом (ст.ст. 301, 302 ГК РФ) и о лице, осуществившем эти действия (потенциальном ответчике по иску о возврате денег или имущества), то с этого же дня потерпевший осведомлен и о том, что незаконный пользователь неправомерно пользуется его деньгами (ст. 395 ГК РФ) или имуществом (ст. 303 ГК РФ), извлекая из этого выгоду. В таком случае ничто не мешает потерпевшему одновременно заявить оба требования для полного восстановления своих прав. Срок исковой давности по обоим требованиям начинает течь одновременно.

22. По дополнительным требованиям, основанным на длящихся правоотношениях, исковые требования подлежат удовлетворению в пределах срока исковой давности, исчисляемого за периоды, предшествующие подаче искового заявления.

В деле о банкротстве конкурсный управляющий оспорил платежную операцию должника, совершенную в пользу аффилированной компании в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве (пп. 1 и 3 ст. 61³ Закона о банкротстве).

После этого конкурсным управляющим предъявлено требование о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на сумму реституции за период со дня совершения платежной операции по момент исполнения реституционного обязательства.

Суды удовлетворили заявленные требования, взыскав проценты за весь испрашиваемый период. Отклоняя возражения ответчика о пропуске срока исковой давности, суды указали, что он начал исчисляться после вступления в законную силу судебного акта о применении последствий недействительности сделки.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и направляя спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Требование об уплате процентов является дополнительным к реституционному (п. 2 ст. 181, ст.ст. 207, 395, 1103 и 1107 ГК РФ), в связи с чем к нему применяется годичный срок исковой давности, исчисляемый с момента, когда арбитражному управляющему стало известно о наличии пороков недействительности у оспариваемой сделки.

Если бы арбитражный управляющий предъявил одновременно требование об оспаривании сделки и взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами (т.е. главное и дополнительное требования), он ввиду осведомленности аффилированного ответчика о пороках недействительности с момента получения платежа был бы вправе требовать взыскания процентов за весь испрашиваемый период.

Однако поскольку в рассматриваемом случае сначала был предъявлен иск о применении последствий недействительности оспоримой сделки, а только затем в отдельном обособленном споре заявлено о взыскании процентов, период взыскания процентов должен исчисляться иным образом.

Пользование денежными средствами является длящимся отношением, оно продолжается до момента возврата денег. По смыслу п. 3 ст. 395 ГК РФ проценты за пользование чужими денежными средствами взимаются за каждый день просрочки возврата. Следовательно, с истечением каждого нового дня незаконного пользования деньгами возникает новое обязательство по уплате процентов за этот день.

С учетом изложенного управляющий вправе требовать выплаты процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на сумму, взысканную в порядке реституции, за годичный период, предшествующий дню предъявления иска о взыскании процентов (п. 2 ст. 181 ГК РФ).

В другом деле Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к аналогичному выводу применительно к требованию о возмещении доходов, которые должно было извлечь лицо, незаконно пользовавшееся чужим имуществом (ст. 303 ГК РФ). Исковые требования подлежат удовлетворению за трехлетний период, предшествовавший дате обращения в суд с соответствующим иском (ст. 196 ГК РФ).

23. Судебные расходы в споре между кредиторами подлежат взысканию не за счет конкурсной массы, а за счет лица, не в пользу которого принят судебный акт по обособленному спору.

В обособленном споре о включении требования уполномоченного органа в реестр конкурсный кредитор обратился с заявлением о взыскании с уполномоченного органа судебных расходов. Заявление было обосновано тем, что конкурсный кредитор заявил против требования уполномоченного органа существенные возражения, в связи с чем в признании такого требования обоснованным и включении его в реестр было отказано.

Суды заявление удовлетворили, при этом признали судебные расходы подлежащими возмещению за счет конкурсной массы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, изменяя принятые по обособленному спору судебные акты в части и

взыскивая сумму в возмещение судебных расходов с уполномоченного органа, указала следующее.

Судебные расходы лиц, в пользу которых принят судебный акт по соответствующему обособленному спору, подлежат возмещению лицами, не в пользу которых был принят данный судебный акт. Рассмотрение дела о банкротстве (в судах всех инстанций) включает в том числе разрешение отдельных обособленных споров, стороны которых могут быть различными.

Вывод судов о том, что кредитор, инициировавший обособленный спор, чье требование не подлежало включению в реестр, не является лицом, не в пользу которого принят судебный акт, противоречит положениям ст. 110 АПК РФ и нивелирует законодательное регулирование вопроса распределения судебных расходов между непосредственными участниками обособленного спора, открывая возможность необоснованного переложения бремени их несения с фактически проигравшего спор участника на иное лицо.

Поскольку требование уполномоченного органа не было удовлетворено благодаря активности представителя возражающего кредитора, судебные расходы подлежали взысканию за счет средств уполномоченного органа.

24. При отсутствии у конкурсного управляющего сведений об основаниях распоряжения имуществом он вправе обратиться с иском о взыскании неосновательного обогащения.

В деле о банкротстве юридического лица бывшим руководителем не была исполнена установленная Законом о банкротстве обязанность по передаче конкурсному управляющему документации должника.

На основе анализа банковских выписок конкурсный управляющий установил, что должник перечислял денежные средства ответчику, которому, ввиду отсутствия первичной документации, управляющий направил требование о предоставлении документов, подтверждающих обоснованность перечислений. Поскольку ответчик на требование не ответил, конкурсный управляющий обратился с иском о взыскании неосновательного обогащения.

Суды в удовлетворении исковых требований отказали, указав, что факт отсутствия у конкурсного управляющего первичной документации не является доказательством безосновательного перечисления денежных средств.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты и направляя обособленный спор на новое рассмотрение, указала следующее.

В случае непредставления стороной доказательств, необходимых для правильного рассмотрения спора, арбитражный суд рассматривает дело по имеющимся в материалах дела доказательствам с учетом установленного ч. 1 ст. 65 АПК РФ правила распределения бремени доказывания. При этом недопустимо возлагать

на сторону обязанность доказывания определенных обстоятельств в ситуации невозможности получения ею доказательств по причине нахождения их у другой стороны спора, уклоняющейся от их раскрытия.

Таким образом, после представления истцом доказательств приобретения или сбережения имущества ответчиком (например, перечисления в его пользу денежных средств) на последнего переходит бремя подтверждения того, что приобретение или сбережение имущества имело правовое основание. В случае представления ответчиком соответствующих доказательств не имеется условий для констатации неосновательности обогащения, в связи с чем в иске может быть отказано.

В то же время такой отказ не препятствует арбитражному управляющему в деле о банкротстве на основе полученных документов оспаривать сделку, лежащую в основании передачи имущества (в том числе перечисления денежных средств), по мотиву нарушения прав кредиторов (ст.ст. 61² и 61³ Закона о банкротстве, ст.ст. 10 и 168, 170, п. 1 ст. 174¹ ГК РФ).

25. При продаже входящей в конкурсную массу доли в уставном капитале хозяйственного общества подлежат применению специальные нормы корпоративного законодательства.

В деле о банкротстве организации судами разрешены разногласия относительно порядка продажи долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, принадлежащих должнику. Определяя порядок продажи, суды исходили из того, что преимущественное право покупки доли реализуется в порядке, предусмотренном ст. 250 ГК РФ (с учетом оценки содержащихся в этой статье норм, данной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 16 мая 2023 г. № 23-П).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты и направляя спор на новое рассмотрение, указала следующее.

Согласно п. 2 ст. 93 ГК РФ порядок осуществления преимущественного права покупки доли и срок, в течение которого участники общества могут воспользоваться указанным правом, определяются законом об обществах с ограниченной ответственностью, который в этой части является специальным по отношению к общим положениям Гражданского кодекса РФ, а также уставом общества. При разработке положения о продаже доли в уставном капитале, принадлежащей несостоятельному лицу, прежде всего необходимо было руководствоваться ст. 25 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” (далее — Закон об ООО), посвященной обращению взыскания на долю участия в уставном капитале по требованиям кредиторов.

Продажа доли несостоятельного участника общества на торгах может быть осуществлена

только в случае, если в течение трех месяцев с момента уведомления общество, иные его участники не используют право на приобретение этой доли (выплату кредиторам ее действительной стоимости) (п. 3 ст. 25 Закона об ООО).

Законом об ООО установлен особый порядок возникновения прав и обязанностей участника у победителя торгов: участники общества могут как согласиться с переходом к

победителю прав и обязанностей участника, так и отказать в этом (п. 9 ст. 21 Закона об ООО). Если подобное согласие не получено, доля переходит к обществу, которое обязано выплатить победителю торгов ее действительную стоимость (п. 5 ст. 23 Закона об ООО).

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
25 апреля 2025 г.)*

НАЗНАЧЕНИЯ

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации с 18 июня 2025 г.:

КРУПНОВА Игоря Владимировича (постановление от 18 июня 2025 г. № 183-СФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Асташов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Журавлева Е.М.**, **Иваненко Ю.Г.**, **Крупнов И.В.**, **Момотов В.В.**,
Москаленко Ю.П., **Нефедов О.Н.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,23. Тираж 6337 экз. Заказ 49-2025.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

